

ВЛАДИМИР УДОД

Я ЕЩЕ ЖИВОЙ

Владимир Анатольевич Удод
Я ещё живой.
Рассказы и повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27349772
ISBN 9785448592546

Аннотация

В книгу вошли лучшие рассказы и повести автора. Разные по жанру и тематике. Их объединяет желание писателя показать человека в различных жизненных ситуациях, порой невероятных, иногда комических, а чаще драматических.

Содержание

От редактора	5
«Шахтерские» рассказы и повести	6
«Военные рассказы»	7
Традиция	9
Код Гарринчи	14
Шутник	21
Судный день Василия Мухина	64
Надёжное средство	73
Запах мачо	79
1	79
2	85
3	92
Урок женской нежности	97
Море, водка и гантели	105
Жозя	120
Маленькие истории маленького города	127
Хронический самоубийца	128
Друг мой Сашка	131
Из жизни городских сумасшедших	135
Комиссар	136
Женя-дурачок	141
Манжула	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Я ещё живой

Рассказы и повести

Владимир
Анатольевич Удод

Редактор: Н. Белинская

Copyright © Владимир Удод 2017

Все права защищены

Редактор Наталья Викторовна Белинская

© Владимир Анатольевич Удод, 2017

ISBN 978-5-4485-9254-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От редактора

Этот сборник рассказов и повестей никак нельзя привести к общему знаменателю ни по жанру, ни по тематике. Он разнообразен, как жизнь, где соседствуют грустное и смешное, глупое и мудрое, низменное, наносное и неожиданно высокое, можно было бы сказать – героическое, но персонажи вряд ли согласились бы с таким определением.

Условно эти произведения можно сгруппировать следующим образом.

«Шахтерские» рассказы и повести

«Традиция» – о том, как возникают некоторые традиции и к чему приводит иногда суеверие; «Код Гарринчи» – оригинальный способ излечения от алкоголизма; очень смешной «Судный день...»; выходящая далеко за рамки шахтерской жизни повесть с высоким драматическим накалом «Я еще живой»...

«Военные рассказы»

«Дачник-неудачник», «Крошки» – о разгоревшейся на наших глазах гражданской войне в Донбассе; а рядом рассказы о Великой Отечественной («Оперотряд...», «В засаде»);

«Маленькие истории маленького города» – близкие каждому персонажи и ситуации, поскольку даже мегаполисы были когда-то маленькими городками, со своими чудаками, городскими сумасшедшими, невероятными событиями, которые становились частью нашей общей истории;

просто **случаи из жизни** – иногда жесткие («Искушение»), порой трагические («Старик и горе»), а то и вызывающие двойственную реакцию, когда хочется смеяться и плакать одновременно («Ход конем»); размышления о судьбе, которую мы сами иногда делаем трагической («Спор»), о «роке», воплощающем высшую справедливость («Мудрость волков»);

невероятно трогательные **лирические истории** («Ромашки», «Долгая дорога...», «Первый снег – самый чистый»), по сложности ситуаций временами не уступающие «Ромео и Джульетте» («Счастье мое Шади»);

сказки, где происходят чудеса, – удивительные и поучительные, как и положено настоящим сказкам («Однажды, когда вернулась зима», «Надо же такому случиться!»);

притчевые «Боль», «Синдром сталкера» и почти фанта-

стическая, но очень реальная «Юдора»...

Собственно, всё это – отдельные страницы из летописи человеческой жизни, где никогда не бывает только черного и только белого и где каждый из нас имеет как минимум одно незыблемое право – право выбора.

Традиция

Любой горняк знает, кто такой Шубин. О духе горных копей ходит много легенд. Лично мне больше нравится та, в которой рассказывается, как хозяин рудника запал на жену своего рабочего и, чтобы обладать ею, устроил завал в глухом забое, замуровав там горемычного конкурента на веки вечные. С тех пор неприкаянная душа Шубина ходит по горным выработкам Донбасса и выискивает свои жертвы. Можно по-разному относиться к этой легенде, но шахтёры, так же как моряки, шофёры и артисты, – народ суеверный и, спускаясь в забой, на тему о Шубине стараются не шутить. Многие верят: если увидел Шубина – считай, что увидел смерть, живым на поверхность уже не выйдешь. Когда в верхних слоях породы происходит перемещение и раздаётся приглушённый треск, старые горняки говорят: «Слышите? Шубин ходит», если лава даёт посадку и порода с орудийным гулом обрушивается на почву, – «Шубин играет», а если кто-то погибает, констатируют: «Шубина увидел» или «Шубин забрал».

Но не стоит напрягаться. История, которую я хочу рассказать, скорее комическая, чем трагическая. Как я уже говорил, шахтёры в массе своей серьезно относятся к приметам и поверьям, но есть люди, которые выходят за рамки «приличного» суеверия. Такой проходчик работал и в нашей бригаде. Раньше про подобных людей говорили «не от мира се-

го», а мы считали его просто малость с приветом. Имя его было Петя Кузякин, но мы звали его кто как хотел: Пеца, Кузя, Петруха, Кузякин, – и он всегда откликался и никогда не обижался. Петя был страстным поклонником знаменитого приверженца «природного» образа жизни Порфирия Иванова, даже пытался какое-то время ходить зимой в одной рубашке, брюках и сандалиях на босую ногу. Но после того как подхватил двустороннее воспаление лёгких, прекратил издевательство над своим организмом. Однако основные постулаты учения старца о единении человека с природой, так называемые «детки», чтит больше, чем «Правила безопасности в угольных и сланцевых шахтах». Приходя в забой, он кланялся и торжественно произносил: «Здравствуй, Забой!». Выезжая на поверхность, не менее торжественно восклицал: «Здравствуй, Солнце! Здравствуй, Небо! Здравствуй, Трава!». Мы сначала посмеивались над ним, но потом привыкли и не обращали внимания. В конце концов, выбор каждого, как ему поступать. Не мешает никому – и ладно. Вот только с Петрухой его оригинальничанье сыграло злую шутку.

Случилось это в аккурат на День ВМФ. Наш коллега Вадик Самсонов имел счастье служить на флоте и в этот день, согласно традиции, выставлялся. Настроение у всего коллектива было приподнятое, Вадик, как всегда шутил, рассказывая флотские небылицы, мы слушали и смеялись. Пришли в свою выработку, сели кружком возле электроаппаратуры,

под единственной лампочкой, развернули тормозки, стали неторопливо есть, а Вадик-мореман продолжал травить свои байки.

— А вот однажды мы стояли в Болгарии, и добрые болгары подогнали нам бочку вина, но с условием, что бочку вернём. Кому-то пришла в голову мысль спрятать вино в огнетушителях. Вроде бы и на виду — и начальство не додумается. Сказано — сделано. Выдраили огнетушители, залили их вином и повесили на место, а бочку вернули добрым людям, наполнив её стиральным порошком в знак ответной благодарности. Правда, болгарам наша щедрость не понравилась, так как они посчитали, что бочка безнадёжно испорчена. Ладно. Идём мы через Средиземное море, попиваем винцо втихаря, и всё бы ничего, если бы все меру знали. То один попадётся пьяным, то другой. Пытать бесполезно, кто ж признается. Но хитрый старпом решил выследить нарушителей. И как-то один салага прокололся. В тот момент, когда салабон присосался к огнетушителю, бедного старпома чуть кондратий не хватил. Он подумал, что матросы уже до щёлочки опустились. Что было потом — уже не весело.

Мы посмеялись над рассказом Вадика, доели тормозки, и звеньевой сказал:

— Ладно, Кузя, всё равно ты не куришь, сходи в забой, поздоровайся, а заодно посмотри, надо ли затяжку брать и подвижное стоит или нет.

Петруха молча пошёл в забой, который от нас находился

в каких-нибудь сорока метрах. Он не мог знать, что в забое на куче породы, с выключенным в целях экономии светильником, лежал, дожидаясь звена, проходчик из другой смены, который хотел получить отгул и поэтому остался на вторую смену. Это был Славик Боритько. Он забрался на тёплую породу подальше от вентиляционной трубы, чтобы не так дуло, в расчёте подремать во время пересмены. Кузякин, как обычно, подойдя поближе к груди забоя, поклонился и уважительно произнёс:

– Здравствуй, Забой!

Дремавший Славик открыл глаза и, узнав Петруху, произнёс сонным голосом:

– Ну здравствуй, Кузякин.

В том, что Петруха здороваётся с забоем, не было ничего удивительного, но чтобы забой здоровался с Петрухой... Рывку Кузякина позавидовал бы любой спринтер. Он пронёсся мимо нас, опрокидывая вентиляционную струю, едва не вызвав панику своим воплем:

– Шубин, Шубин! Там Шубин!

Превозмогая страх, мы все вместе направились в забой; мы предполагали всё что угодно, но, увидев Славика, быстро сообразили, в чём дело, и полсмены не могли прийти в себя от смеха. Вот только самого Кузякина встретили уже на поверхности.

– Кузя, – сказал ему звеньевой, – завтра с тебя бутылёк. Мы за тебя всю смену отпахали, так что колись на бутыль.

А сейчас пошли, испуг выливать будем самогоном.

Расположившись в посадке, на обустроенной полянке в каких-нибудь ста метрах от комбината, мы на газетах разложили нехитрую закуску, в центр «стола» поставили бутыль с самогоном, и тут наш бывший моряк, приколист и балагур Вадик Самсонов вдруг рухнул на колени и произнёс, как молитву:

– Здравствуй, сало! Здравствуй, хлебушек! Здравствуй, бутылёк!

На последних словах он наклонился и поцеловал стеклянную тару. Это вызвало бурный смех и ещё больше подняло всем настроение, даже Кузякину.

С тех пор мы всегда произносим это заклинание, прежде чем приступить к распитию спиртного. Так Петя Кузякин зародил в нашем коллективе новую традицию. А что, в этом что-то есть...

Код Гарринчи

Авдеич, он же Гарринча, получил в юности прозвище великого бразильского футболиста вполне заслуженно. Ну, во-первых, он также от рождения имел одну ногу короче другой, а во-вторых, ему не было равных на футбольном поле посёлка. Надо ли говорить, что в шестидесятых вся страна была помешана на футболе, а уж детвора рабочих посёлков – и подавно? Тренер местного «Авангарда» буквально охотился за одарёнными подростками. Но Гарринча местного пошиба был насколько талантлив, настолько и ленив. Ходить регулярно на тренировки являлось для него непосильной задачей, и он дальше родного шахтёрского посёлка выезжал крайне редко. Футбольное детство осталось в далёком прошлом, мало кто уже помнил, за что Авдеич получил почётное прозвище, да и немногие уже знают о самом великом бразильце, но имя Гарринча закрепилось за ним прочно и навсегда.

Семейная жизнь у него не сложилась, проживал он одиноко в родительском доме, некогда очень добротном, но после смерти родителей и по причине несусветной лени хозяина пришедшем в занехаенное, как у нас говорят, состояние. Жил Авдеич на очень скромную пенсию, которой, ввиду таких же скромных потребностей, ему вполне хватало. К тому же держал он небольшое хозяйство: десяток куриц, пету-

ха, кота, козу и козла.

Вот о козле стоит поговорить особо. Все животные пользовались свободным доступом в жилище Авдеича, но козёл по кличке Стёпа имел собственную кровать и спал только в доме. Да и хозяином, пожалуй, был больше козёл, чем хромой старик. Когда козёл заходил в дом, все животные, включая козу и кота, выбегали во двор. А при Авдеиче, в отсутствии козла, куры могли позволить себе снести прямо на подушку деда, что несколько того не огорчало. Он радостно брал яйцо и ковылял на кухню, где тут же разбивал его на сковородку.

Стёпе нравилось, когда Авдеич сидел на крыльце и курил. Он стоял рядом, с наслаждением вдыхал табачный дым и с нетерпением ждал, когда старик бросит окурок. Тогда козёл тушил его копытом, а потом жадно съедал.

Была ещё у них страсть на двоих – любопытство. Стоило услышать, как кто-то идёт по улице, – тут уж кто раньше подбегал к забору, в котором на уровне головы была выломана доска – следствие хулиганских действий местных подростков. Это был не просто дефект в некогда солидном деревянном заборе, это был наблюдательный пункт и пункт связи с внешним миром. За него всегда шла непримиримая борьба с переменным успехом между человеком и животным.

Когда побеждал человек, он всегда здоровался с прохожим и втягивал его в мимолётный разговор. Выглядело это приблизительно так:

- Здорово, Васёк!
- О! Привет, Гарринча! Как поживаешь?
- Живём, со Стёпкой хлеб жуём. А ты с работы?
- Откуда ж ещё?
- А может, с танцев? Ха, ха, ха! – ему казалось, что он удачно сострил.
- Да уж, натанцевался сегодня в забое.

Для Авдеича эти краткие разговоры были единственным развлечением в его однообразной, скучной жизни.

Теперь хочу рассказать о другом персонаже, жизнь которого кардинально изменил этот одинокий старик.

Что греха таить, шахтёры – люди пьющие, впрочем, как и весь советский народ. Об умении шахтёров пить ходят легенды, но поверьте, это только легенды, не более того, хотя они шахтёрам очень нравятся и даже льстят их самолюбию. Исходя из этого, Петруха Брехунов был во всех смыслах личностью легендарной в нашем посёлке. Если бы не его трудолюбие, то с работы его уже давно выгнали бы с треском и неоднократно за систематические пьянки. Каждый раз, когда решалась его судьба на профкоме, за него горой становилась бригада, напоминая активу шахты о трудовых заслугах Петра Константиновича. Редко какой день на шахте обходился без пресловутого «бутылка». Кто-то уходил, в отпуск, кто-то – на пенсию, родилась дочь – выставляй бутыл, за сына полагается два. А было ещё много праздников: дни

ВМФ, ВДВ, пограничника и святой для шахтёра день взятия Бастилии. Так вот, ни один «бутылёк» Петруха не пропускал. Возвращаясь домой, он обожал горланить песни, поскольку в этот момент ему казалось, что Козловский и Соловьяненко ему в подмётки не годятся. Его не смущало даже то, что ни одной песни от начала до конца он не знал: мог начать с «Розпрягайтэ, хлопци, конэй», плавно перейти на «Ой, цветёт калина» и под занавес выдать «Спят курганы тёмные». По мере приближения к дому его так развозило, что последний отрезок дистанции он чаще всего преодолевал на четырёх конечностях. Но даже тогда он продолжал напевать уже слабеющим голосом.

Заметив его в таком виде, привыкшие ко всему соседи кричали его жене:

– Валька, встречай своего. Вот оно, горе Донбасса, идёт.

– Уже не идёт – ползёт! – обязательно уточнял кто-нибудь.

Жена встречала кормильца не очень ласково, но и не агрессивно, помогая ему войти в дом и завалиться в кровать. Валентина иногда сетовала на мужа:

– Не пил бы – золотым человеком был бы.

– Валюха, – обещал он, – брошу, скоро брошу... Ну гадом буду, Валюха, брошу. А и подумать, как тут не пить, когда все пьют её, проклятую.

Он мог долго обещать, клясться, потом от жалости к жене, детям и себе расплакаться и, утешаемый женой, мирно уснуть. А утром, как обычно, уходил на работу и опять при-

ходил в стельку пьяным.

И вот кульминация. Гарринча, по своему обыкновению, сидел в трусах на крыльце, курил перед сном последнюю сигарету, козёл Стёпка наслаждался дымом и терпеливо ждал свой окурок, как вдруг вдалеке послышалось «Вышел в степь донецкую парень молодой». Это привычно надрывался Петруха. Авдеич и Стёпа кинулись к наблюдательному пункту. Кому ж не хочется пообщаться перед сном, тем более что день в этом отношении выдался совершенно не щедрым. Завязалась извечная борьба за «место под солнцем» человека и козла. На этот раз победил козёл, гордо выставив рогатую голову в проём.

– Стёпка, пусти по-хорошему, – взмолился старик, пытаюсь оттеснить наглое животное всем своим тщедушным телом. Но тот был явно сильнее и уступать не собирался.

– Ну ладно, попросишь у меня сигаретку, – перешёл на угрозы Авдеич. – И спать будешь во дворе, козлище!

Ему ничего не оставалось, как наблюдать за происходящим на улице через щель в заборе. К этому моменту Петруха был уже совсем рядом, находясь в стадии между двумя и четырьмя конечностями, то падая на обе руки, то поднимаясь, но автопилот не подводил, и он продолжал двигаться в нужном направлении – к родному дому.

– Здорово, Петруха! – весело крикнул сквозь щель Гарринча.

Петруха на полуслове оборвал песню и, не поднимая тя-

жёллой головы, произнёс:

– Ну, я – Петруха, а ты кто?

– Хрен в пальто, – сострил Авдеич. – Опять нажрался, бродяга?

– Ну, так у Витька сын родился. Мы пару бутылей откушали. Потом у Серёги Козлова добавили. Чё там с тех двух бутылей взять.

– Всё тебе мало? – перешёл на строгий тон старик. – Каждый день напиваешься до чёртиков. Куда тебе оно только лезет?

Петруха, после очередной попытки стать твёрдо на ноги, присел, прислонившись к забору.

– Ты прямо как наш парторг. Тому тоже – хлебом не корми, водкой не пои, дай только Петра Константина... новича повоспитывать.

– Гореть тебе в аду, алкоголик несчастный!

При этих словах взгляд Петрухи упал на козлиные копыта, которые просматривались при тусклом освещении фонаря в промежутке между землёй и нижней частью забора. Мороз продрал его по коже. Он несмело поднял голову вверх и увидел козлиную морду, приобретающую зловещие очертания на фоне полной луны. Состояние шока и дикий страх охватили всё существо горького пьяницы.

– Бросай пить, говорю тебе, пока не поздно!

Последние слова Авдеича вывели из оцепенения бедного Петруху, и с дикими криками «чёрт, чёрт!» он, подбро-

шенный невидимой пружиной, вскочил на ноги и помчался, не переставая орать, по слабоосвещенным улицам к родимой хате. Чем ближе был его дом, тем меньше хмеля оставалось в перепуганной голове. А когда перелетел порог, был уже трезв как стекло.

Первое, что он прокричал жене, было: «Где икона, Валюха?», чем поверг её в неопишное изумление. Она, видя его состояние, поняла, что расспросы бесполезны, молча достала из шкафа завёрнутую в рушник икону, которой их когда-то благословляли её родители, и, развернув, подала. Петруха с иконой в руках рухнул на колени, стал осыпать лик Божьей Матери поцелуями, креститься и шептать:

– Господи, помилуй, спаси и сохрани от нечистого. Укрепи дух мой, дай мне силы бросить проклятую водку. Не отдавай меня этому козлорогому...

Жена долго стояла и смотрела с удивлением и скорбью на мужа, и только выдохнула:

– Всё, видать, допился до чёртиков!

После он ей рассказал, как повстречался с самим Сатаной и как еле унёс от него ноги. Вот так дед Гарринча, сам того не подозревая, закодировал самого отъявленного пьяницу нашего посёлка, который теперь исправно ходит в церковь, и уже несколько лет никто не видел его в пьяном виде.

Теперь не только жена, но и соседи говорят, провожая Петруху взглядом:

– Золото – не человек.

Шутник

Наверное, нет такого коллектива, в котором не было бы своего шутника, юмориста-приколиста. На нашей шахте №54 их можно было насчитать не менее десятка. Но никто не мог составить достойную конкуренцию слесарю ВШТ Макару Макаровичу Сосновскому. Он так изводил всех своим похабным юмором, шутками-прибаутками, подколками, розыгрышами и издёвками, что одна половина коллектива его ненавидела тихо, а другая – вполне открыто. Но все вместе обожали слушать, как Сосновский кого-то задевает, и радовались как дети, что не их самих. Кто же не любит посмеяться над другим?

После того как Макар Макарович «развёл» весь аппарат управления шахты по поводу приезда делегации из министерства для вручения переходящего Красного знамени за досрочное выполнение квартального плана и победу в социальном соревновании (а было это, как на грех, 1 апреля), ему стали каждый год этого числа ставить в график выходной. Ведь выведаль откуда-то подлец, что делегация действительно придёт, и использовал психологический приём «от обратного». Зная, что ему доверия нет, он убеждал всю контору, что вот-вот должно приехать высокое начальство. Заходя в каждый отдел, здоровался и многозначительно спрашивал:

– Слыхали, сам министр к нам приезжает? Поздравлять

нас будет.

– С первым апреля, что ли? Иди, иди, без тебя уже тут юмористы приходили, – давали ему от ворот поворот.

Даже когда секретарша обзванивала все отделы и приглашала сотрудников пройти в актовъй зал, это было воспринято как розыгрыш от Сосновского. Надо отметить, что каждый участок и цех имел определённое место в зале. Второй, третий и четвёртый ряды, отведённые для аппарата управления и работников поверхностного комплекса, зияли своей пустотой, что привело в ужас руководство шахты, принимавшее заместителя министра угольной промышленности. Парторг и председатель профкома кинулись сгонять контору на собрание. Праздник был подпорчен. Но только не для Сосновского, который организовал после собрания ложный вызов начальников отделов в кабинет директора, якобы для разборок. Сам же сел в сторонке и не без удовольствия наблюдал, как те с бледным видом, один за другим, на полусогнутых скрывались за дверями страшного кабинета и вылетали оттуда красными, как раки. Обидным было то, что наказать мерзавца оказалось не за что – за правду ведь не наказывают. Начальник участка, на котором работал Сосновский, посчитал, что самым большим наказанием для того будет удаление на пушечный выстрел от шахты во всемирный День смеха. После этого каждый год в рабочем графике Макарыча 1 апреля стояла жирная красная буква «В».

Далеко не все шутки Сосновского были такими безобид-

ными. Чего, например, стоил его прикол с фуфайками горнорабочих очистного забоя. Здесь нужно кое-что пояснить. Чтобы не просквозило на свежей струе, рабочие одеваются в тёплую одежду, преимущественно это обычные фуфайки, в которых нет никакой необходимости на самом рабочем месте, где порою бывает слишком жарко. После окончания смены рабочие, выскочив на штрек, где дует холодная струя воздуха, надевают тёплую одежду и спешат на выезд. Однажды Сосновский продел в рукава десятка фуфаек несколько звеньев конвейерной цепи, соединил их болтами и заклепал резьбу слесарным молотком. Проклятия и самый отборный мат, которые посыпались на голову «того, кто это сделал», Сосновский воспринимал как лучшую похвалу своей шутке, с самым невинным видом наблюдая издали за возмущениями пострадавших. Те, кому повезло и их фуфайки не попали под раздачу, от души потешались над своими коллегами и радовались тому, что на десяток конкурентов при выезде первой площадкой будет меньше. Правда, у некоторых радость длилась недолго: их пальцы попадали в карманах в солидол.

Выбрасывать одежду было жалко, а рубить расплёсанный болт некогда. Так и потащили клубок одежды с тяжёлым балластом на поверхность. Чтобы понять всю «прелесть» шутки, нужно представить, как несколько мужиков пару километров тупо тащат на себе трёхметровый отрезок якорной цепи.

А чего стоит прикол с сардельками!.. Как-то, выехав на поверхность, Сосновский узнал, что в буфете шахты дают сардельки. Чтобы опередить конкурентов, он, не переодеваясь, подошёл к буфетчице и сказал:

– Валюша, взвесь мне метр сарделек.

– Ты хотел сказать – килограмм?

– Нет, ровно метр.

При этом он достал складной метр, развернул его и протянул буфетчице. Та вздохнула тяжело, но отмерила ровно столько, сколько от неё требовали. Покупатель всегда прав.

– Запиши себе в тетрадку, сколько я должен. Искупаюсь – занесу, – сказал счастливый обладатель деликатеса, запихивая сардельки за пазуху.

Выйдя из буфета, он остановился, ненадолго задумался, протянул одну сардельку под одеждой в расстёгнутую ширинку и гордо зашагал в сторону бани, с наслаждением предвкушая встречу с жертвой прикола. И жертва не заставила себя долго ждать. Навстречу ему шла оператор участка погрузки Маша Ветрова. Женщина немолодая, скромная и культурная. Заметив непотребство, она не смогла удержаться:

– Сосновский, как тебе только не стыдно?

– Стыдно – у кого видно, – с вызовом сказал Макарыч.

– Так у тебя как раз и видно, весь срам свой наружу вывалил, бесстыдник, – женщина рукой указала на торчащую из штанов сардельку.

– Ах, это? – изобразил Сосновский искреннее удивление, достал из кармана свой острый как бритва слесарный нож и отхватил половину сардельки.

Бедная женщина упала в обморок. Хорошо, что здравпункт оказался рядом, быстро откачали.

А когда из профтехучилища присылали на производственную практику учеников, для души Макара Макарыча наступал настоящий праздник. Уж тут было где развернуться его буйной фантазии. Работать на непаханом поле ему было легко и приятно. Начальник с неохотой давал Сосновскому практикантов, но деваться было некуда – их много, а наставников мало. Каждый раз, закрепляя за ним учеников, начальник участка предупреждал:

– Ой, гляди у меня, Сосновский, не учи пацанов гадостям.

– Петрович, ты же меня знаешь. Лучше пацанов предупреди, чтобы они меня гадостям не учили, – взмолился притворно Макарыч. – В прошлый раз так меня эта молодёжь просветила, что старуха из дома чуть не выгнала. Ото гадости – так гадости!

– Ладно, не умничай, забирай вот этих троих и уматывай с глаз долой.

Новоиспечённый наставник увёл из нарядной троих прыщавых юнцов, чтобы показать, где находится баня, чистая и грязная раздевалки, а потом помог получить на складе спецовки, сапоги, каски, портянки, в ламповой – светильники и самоспасатели.

– На сегодня всё, а завтра чтобы без опозданий на первый наряд! И чтоб у каждого был тормозок и фляга с водой. Без этого в шахту никого не пущу. Всем понятно? Тогда до завтра.

Как же он любил педагогические моменты в своей работе! В нём пробуждались одновременно все великие педагоги не только современности, но и прошлых веков. Причём все сразу в одном лице. Справедливости ради следует заметить, что, сколько бы Макарыч ни издевался над своими учениками, другим в обиду их не давал и старался, пусть даже в шуточной форме, передать свой немаленький профессиональный опыт.

Когда у Сосновского появлялись ученики, это был праздник не только для него, но и для всех, кто работал рядом. Причин было две. Первая – будет весело, и вторая – смеяться будут преимущественно над другими. А посмеяться над другими – это мы с превеликим нашим удовольствием. Все с нетерпением ожидали всплеска юмора от Сосновского.

Не успели горняки опуститься на верхнюю посадочную площадку (по-нашему «ожидаловку») и усесться на лавочки, как кто-то, самый нетерпеливый, спросил:

– Макарыч, а скажи, сегодня к тебе молодуха в автобусе никакая не приставала?

Молодуха – любимая тема Сосновского. Он нагло перевирал старые анекдоты, преподнося их как подлинные истории, якобы имевшие место в его жизни. Многие по сто раз уже их

слышали, но с удовольствием могли послушать ещё раз, поскольку рассказчиком Макар Макарович был незаурядным.

— А как же, — живо откликнулся он. — Еду сегодня в автобусе. Давка-а... Ну, как обычно. Сесть негде, а тут гляжу — сидит на боковом сидении молодуха, расфуфыренная вся, накрашенная рублей на двенадцать, не меньше. Юбочка коротенькая — аж пупок видно. А самой лет пятнадцать, не больше. Я ей говорю: «Девушка, уступила бы ты старику место». Она молчит, даже бровью не повела. Я опять: «Девушка, ты ещё молодая, могла бы постоять, а у дедушки ножки устали, уступи место. Тебя что, в школе не учили, что старших нужно уважать и место уступать в общественном транспорте?». Она посмотрела на меня, как мой предок смотрел на Врангеля, и говорит: «Дед, иди ты на...». Я её начал воспитывать: «И не стыдно? Такая молодая, а так нехорошо ругаешься. Ты его хоть видела, что так говоришь?». А она мне: «Дед, если тебе их все в спину воткнуть, что я видела, то ты бы на ёжика был похож».

Смеялись все, даже те, кто слышал эту историю не в первый раз, но громче всех хохотали ученики Макарыча, особенно худой рыжий, с яркими веснушками на лице, который никак не мог остановиться; всё остальное время, пока не подошла людская площадка, которую шахтёры именовали почему-то «коза», они смеялись уже только глядя на этого пацана. При посадке в людские вагонетки Макарыч сделал ему замечание:

– Ну, хватит уже. Забыл, как там тебя – Гриша?

– Нет, Гоша я.

– Так вот, Гоша, рот сильно не разевай, садись рядом со мной. За тобой, чувствую, глаз да глаз нужен. От меня чтоб ни на шаг не отходил. Понял?

– Понял.

– Молодец, раз понял.

По дороге к рабочему месту наставник рассказывал ученикам, по каким выработкам они сейчас идут, как они называются и каково их назначение.

– Как вы думаете, для чего я вам всё это рассказываю? – серьёзным тоном спросил Макарыч. – Давай ты, рыжий, отвечай.

– Наверное, для того, чтобы мы знали запасные выходы и куда бежать в случае пожара.

– Ответ неверный. Кто ещё как думает? Молчите? Тогда запомните: рассказываю это вам для того, чтобы вы знали маршрут, по которому в случае аварийной ситуации вы должны будете первым делом выносить своего наставника.

– А это чего? – не понял рыжий.

– Вот бестолковый, – возмутился Макарыч, – это значит меня, потому что я ваш наставник, если ты ещё этого не понял.

– А—а, – дошло до ученика.

– Вот основное место нашей работы. Называется опрокид. Место, где производится выгрузка угля из грузовых вагонов.

ток ВГ-2,5. Вагонетки загоняются в барабан, барабан вращается, опрокидывает вагонетку, затем толкателем порожняя вагонетка проталкивается вперёд, а на её место заталкивается другая, гружёная. И так пока вся партия не разгрузится. Управляет всем этим процессом оператор Лёня. Парень он неплохой, только трошки дебилкуватый, а так ничего, главное, что безобидный, хотя и не отягощён интеллектом. Да и, собственно, нафиг ему интеллект при такой тупой работе. Другое дело наше – слесарское.

– Сам ты дебилкуватый, – обиженно отозвался со своего места «парень», которому было уже далеко за пятьдесят.

– А, ты уже тут, – изобразил удивление Макарыч. – А я думаю: куда наш Лёня запропастился? Ладно, студенты, садитесь вот здесь возле Лёника и ответьте мне на такой вопрос: с чего должна начинаться в шахте работа? Давай ты, рыжий, поскольку, гляжу, ты самый умный, отвечай на поставленный вопрос.

Рыжий Гоша задумался, напряжённо вспоминая всё, чему его учили в ПТУ, и ответил:

– Придя на рабочее место, мы должны проверить первым делом реле утечки тока на сухой трансформаторной подстанции и на АПШ.

– Это правильно, но только это второе дело, а первым делом что мы должны сделать? Давай ты, курносый.

– Мастер говорил, – начал неуверенно паренёк с большим крючковатым носом, который был антиподом курносости, –

что всякая маленькая работа начинается с большого перекура.

– Дурак твой мастер, дурной поп его крестил, и дурная была его молитва. В шахте курить нельзя! Зарубите себе это на носу. Всякая работа в шахте начинается с тормозка. Дружно разворачиваем, кто что принёс, и не спеша, с наслаждением, тщательно пережевывая, начинаем забрасывать себе вовнутрь.

Эта команда всем пришлась по душе, ребята зашуршали газетами, в которые была завёрнута нехитрая снедь. Рядом расположились и другие рабочие, которые тоже приступили к трапезе и с нетерпением ждали приколов от Сосновского.

– Ну-ка, посмотрим, что тут моя мне положила, – произнёс Макарыч, разворачивая объёмный тормозок. – Так, хлеб есть, сало есть, колбаска есть, огурчики есть, соль на месте, а яйца забыла положить, курва. Нахрена тогда соль положила, спрашивается? Нахрена я кур тогда держу? Ну, получит она у меня сегодня. Это ж получается, что тормозок неукomплектован. Это всё равно, что я в свою слесарскую сумку забуду отвёртку положить или пассатижи.

Паренёк, которого Макарыч обозвал курносый, по доброте душевной предложил:

– Макар Макарович, возьмите моё яйцо, у меня их аж четыре – мамка положила.

– Твоё? Нахрена мне твоё? Нет, твоё не хочу, а вот куриное, пожалуй, возьму. Давай.

Сосновский, довольный своей первой шуткой, взял у парня яйцо, не чистя, положил целиком в рот и, хрустя скорлупой, начал медленно, с удовольствием его пережёвывать. Этот неприятный звук заставил морщиться даже тех, кто, казалось бы, давно должен был привыкнуть к выходкам Макарыча, а ученики перестали жевать. У самого смешливого, рыжего Гоши, возникли рвотные позывы, подавить которые ему стоило больших усилий.

– Это ещё что, – пояснил один горнорабочий, – он и селёдку никогда не чистит – целиком ест, с костями и кишками.

– Я видел, как он за банкой пива вместо рыбы сырым мясом закусывал, – добавил другой рабочий. – Вот так отрезал полоски мяса, макал в соль и ел, а пивом запивал.

– Макар, скажи честно, – встрял в разговор третий, – ты когда-нибудь рыгал?

– Ещё не придумали такой дряни, чтобы Макара стошнило, – отозвался со своего места обиженный Лёня. – В прошлом году он на спор выпил стакан керосину – и хоть бы что.

– Нет, братцы, – проглотив остатки яйца и принимаясь за сало, сказал Макарыч, – должен признаться честно: было дело – рыгал. Причём совсем недавно. Встретил на прошлой неделе одну молодуху. Не баба – огонь, кровь с молоком.

– У тебя все молодухи – кровь с молоком, – перебил Лёня.

– Нет, ну правда – редкая бабёнка, – не смутился рассказчик. – Зажал я её в тёмном углу, засосал с таким удовольствием... И вдруг чувствую что-то во рту. Достаяю – а это,

оказывается, её вставные челюсти. Вот тут меня и стошнило, братцы.

Все дружно засмеялись кроме Гоши, который, отбросив свой тормозок, вскочил на ноги, зажал ладонями рот и побежал прочь.

– Чего это с ним? – удивился один из старых рабочих.

– Наверное, мнительный очень, воображение разыгралось, – пояснил спокойно Макарыч, похрустывая огурцом.

– Довёл парня, – сочувственно сказал Лёня, – поесть не дал человеку.

– Привыкнет, – заверил кто-то.

– А вот скажите, студенты, – обратился Макарыч к оставшимся ученикам, – умеете ли вы разгадывать загадки? Сейчас я буду проверять ваш ай кью.

– Чего? – удивились даже старые рабочие, которым было не привыкать к новым словам в лексиконе своего коллеги.

– Темнота! – воскликнул Сосновский. – Уровень интеллекта, по-нашему. Ну, соображалки то есть. Вот тупость! Эй, как там тебя, Гоша! Хватит прохлаждаться, подходи сюда, тебя это тоже касается.

Подошёл позеленевший Гоша, у которого даже яркие веснушки приобрели нездоровый оттенок.

– Что же ты так? – с укоризной сказал наставник. – Так нельзя. В шахте нельзя быть брезгливым. Мало ли что может случиться. Кого-то травмирует, а ты, вместо того чтобы оказать помощь, в Ригу поедешь.

– В какую ещё Ригу? – не понял Гоша.

– Ладно, это я тебе потом объясню, а сейчас слушай загадку. Значит так, в воде родится, но воды боится. Что это?

Ученики напряглись, усиленно соображая, что бы это могло быть, а старые рабочие затаились в предвкушении весёлого момента. Из них каждый прошёл через подобное тестирование своих умственных способностей. Победителем всегда оказывался Макар Макарович.

– Ну, думайте, думайте, – подбодрил наставник. – Что может в воде родиться и воды же бояться? Ну, ну?

Один из рабочих решил подсказать, демонстративно посыпая солью огурец.

– Не подсказывать! – строго крикнул Макарыч.

Но было поздно, и самый догадливый, по прозвищу Курносый, радостно воскликнул:

– А—а, соль!

– На! Конец мой помусоль! – мгновенно и весело отреагировал Сосновский.

Больше всех смеялись те, кто не раз попадался на подобные подначки.

Когда прикончили тормозки, Макарыч остатки пищи и мусор из газеты высыпал в порожнюю вагонетку, а саму газету аккуратно свернул.

– Когда будет свободная минута, – пояснил он, – новости читаем. А рабочее место должно быть всегда чистым, как у кота... ну, то, что ты мне сегодня предлагал, Курносый.

– Макар Макарович, – обиделся парень, – вы меня не называйте так больше. Меня Сергеем зовут.

– Обиделся? Брось! Тут у каждого своё погоняло есть, и никто не обижается. Так легче запомнить человека. У тебя нос большой – радуйся! Бабы носатых любят, потому что считают, что если у мужика нос большой, то и с мужским аппаратом всё в порядке, размер не обманет ожиданий. Гошу бог наградил рыжестью – тоже радуйся, Гоша! Ты не затеряешься в серой толпе, ты – яркая личность. И еще: старших на шахте принято называть по отчеству, но при этом говорить ты. Поэтому мне можете не выкать. Запомнили? Тогда пошли, буду аппаратуру показывать. А кстати, что сегодня за день?

– Вторник, – опять попался на подколку Гоша.

– Трахал тебя дворник! – весело выкрикнул Макарыч под дружный хохот бывалых рабочих. В запасе у старого слесаря на каждый день недели, кроме воскресенья, имелась пошлая зарифмованная острота. На вопрос, почему на воскресенье нет, он отвечал: «Законный выходной».

Надо сказать, что Сосновский обладал даром часто говорить рифмами, используя как чужие тексты, так и собственные экспромты. Этим он отличался от многих острословов на шахте. Иногда у него получались очень длинные и острые рифмованные тирады, приводившие в неописуемый восторг окружающих, но об этом чуть позже.

В первый день обучения Макарыч вдоволь поизголялся

над своими учениками. Он заставлял их искать выхлопную трубу у электровоза, разгонять помехи высокочастотной радиации, работающей от контактного провода, а затем они с толкача пытались завести электровоз. Практиканты надрывали животы от усилий, а старые рабочие – от смеха.

– Ничего, ничего, – утешал в конце смены своих стажёров наставник, – пройдя школу Сосновского, вы уже никогда не попадётесь на дешёвые розыгрыши дилетантов. Дедушка Макар вас плохому не научит.

На следующий день в ожидаловке перед спуском в шахту кто-то опять стал приставать к Сосновскому:

– Макар, а сегодня к тебе молодуха приставала?

– Да, Макар, – поддерживал другой, – как там молодуха с ёжиком поживает?

– Нет, братва, – тяжело вздохнул Макарыч, – сегодня совсем не весёлая история со мной приключилась.

– Расскажи, расскажи, – раздались со всех сторон голоса, и любопытные шахтёры обступили рассказчика.

– Сегодня мне сказали, что жить мне осталось совсем недолго.

– Макар, ты чего, разве можно такое говорить перед спуском в шахту?

– А что я могу поделывать? Еду в автобусе. Давка, как обычно, но место мне боковое всё же досталось. Сижу, никого не трогаю. Тут на базарной остановке ещё большая толпа напирает, автобус аж трещит. Притиснули ко мне молодуху.

Братцы, кровь с молоком! Ну, красавица-а! Жалко стало, что такую деваху могут раздавить. Я предлагаю ей: садись, мол, мне на колени, не так давить на тебя будут. И что вы думаете, она садится. Юбочка коротенькая, а сама горячая и нежная вся такая. Едем, доезжаем уже до Толстого, и она мне говорит: «Мужчина, вы скоро умрёте!». У меня даже дар речи под седушку закатился, потому что деваху больно на цыганку похожа, а они, подлюки, всё наперёд знают. А она поёрзала у меня на коленях и продолжает: «Точно, помрёте. Я чувствую ваш конец».

Рыжий Гоша опять смеялся громче и дольше всех.

В этот день практиканты изо всех сил старались не попасться на подколки своего наставника. Успешнее всех это получалось у третьего, самого маленького, самого щуплого и самого молчаливого ученика, по имени Костя. Но Сосновский не был бы Сосновским...

– Костюлей, дам пи... лей, если будешь всё время молчать, – сказал он.

– А что говорить, если ты, Макарыч, всё время подначиваешь, что бы ни сказал.

– Кто, я? – с напускным удивлением спросил наставник.

– Да, ты!

– Трахали тебя коты! – с облегчением выкрикнул Сосновский.

– Ну вот, я же говорил.

– Обиделся? Зря, я тебя после научу, как нужно отвечать.

Лучше скажи, футбол любишь?

– Конечно.

– А когда будет «Шахтёр» со «Спартаком» играть?

– В субботу.

– Отсоси у бегемота! – ещё более радостно воскликнул Макарыч. – Теперь совсем другое дело, теперь можно приступать к работе. Иди-ка, молчун, проверь реле утечки на сухой и распишись за меня.

– Кто, я? – отозвался Костя.

– Именно ты, – подтвердил наставник.

– Трахали тебя коты! – радостно отплатил той же монетой ученик своему учителю. Но того это несколько не смутило.

– А тебя кошки, и я трошки! – ответил Макарыч и похвалил парня: – Молодец, начинаешь постигать уроки дедушки Макара. Толк будет.

И, уже не обижаясь, Костя отправился выполнять поручение наставника.

В середине смены к Сосновскому обратился Курносый:

– Макарыч, я в туалет хочу, что-то живот прихватило. Где можно сходить?

Недолго думал старый слесарь:

– Вон там, на пятом пикете, есть для этого случая куча глины. Выкопай ямку, сделай своё дело, а потом присыпь, чтобы не воняло.

Куча глины действительно была на пятом пикете, но предназначение её было совсем другое. Проходчики, работавшие

совсем недалеко, использовали эту глину для изготовления пыжей, которыми пыжевали взрывчатку в шпурах, как это положено по правилам безопасности. Изготовление глиняной забойки – работа несложная, но сугубо ручная.

Невозможно передать слова возмущения проходчика, который зачерпнул руками рабочий материал, обильно удобренный молодым здоровым организмом. С пахучим куском глины он прибежал на опрокид и заорал, разбрызгивая слюну:

– Кто это сделал? Это только ваша работа, вэштэт (то есть ВШТ – внутришахтный транспорт), больше некому устроить такую пакость. Признавайтесь, кого угостить этим дерьмом, а то всех подряд кормить буду.

– Саша, ты не горячись, – попытался успокоить Макарыч проходчика, – зачем же всех сразу кормить? Давай разбираться. Здесь ошибки быть не должно. Это дело нешуточное. Кто виноват, тот должен ответить за своё злодеяние, как говорится, по всей строгости. Лёня, ты это сделал?

– Ты чё, я от кнопок не отходил ни на минуту.

– Видишь, Сашок, Лёня не виноват. За что же ты его должен кормить дерьмом? Я тоже никуда не отлучался, следовательно, и меня не за что. Мои ученики всё время при мне были. Так, хлопцы? Или кто-то отлучался?

– Нет, нет! – замотали перепуганные ученики головами, глядя на страшные глаза проходчика и его мускулистую руку с куском ароматной глины.

– Ну, вот видишь, – развёл руками Макарыч.

– Шо ты из меня дурака делаешь, Макар! Лучше по-хорошему признайтесь, чья это работа!

– Ладно, Сашок, если тебя грызут сомнения, сделаем так. Мы сейчас выстроимся в шеренгу... Сколько нас? Раз, два, три... всего шестеро. Тебе не трудно будет. Значит, становимся в шеренгу, спускаем штаны, принимаем позу буквы зю, ты суёшь свой нос в каждую задницу и по запаху определяешь, чья это работа.

Все заржали, разряжая обстановку, а Саша, бросив в вагон свою неприятную ношу, с сердцем, но уже без былой ярости произнёс:

– Идиоты! Ну, погодите, я вам тоже устрою. Вы у меня ещё не такое получите.

– Саша, – примирительно сказал Макарыч, – пойдём, я тебе воду с орошения открою, а то негигиенично ходить с об...ми руками. Да и сделали это, скорее всего, ваши из предыдущей смены.

– Да нет, – уже довольно спокойно ответил проходчик, – совсем свежак, что я, свежака не отличу?

Слесарь отвязал шланг орошения, висевший над вагоном, направил струю на запачканные руки проходчика и, морщась, сказал:

– Действительно, свежак. Это что же такое надо сожрать, чтобы так воняло?

Когда смена подходила к концу, к наставнику подошёл Го-

ша и спросил:

– Макарыч, от чего этот болт? Я на рельсах нашёл. Не от электровоза открутился? Это же может авария случиться.

– Ну-ка, покажи. Молодец, Рыжик. Правда, это путевой болт и к электровозу никакого отношения не имеет. Положи в карман, пригодится. При выезде, на посадочной, напомним мне про болт. Есть там один у меня... Если будем вместе выезжать, то мы ему его подарим.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы было понятнее то, что произошло дальше. Многие острословы пытались соперничать в мастерстве подколок с Макарычем. Но Макарыч имел явное превосходство перед ними из-за умения рифмовать, а рифма всегда выглядит и острее, и смешнее обычного огрызания. Посрамлённый поэтическим даром Сосновского соперник чаще всего считал за лучшее смеяться над собой вместе со всеми. В противном случае он становился объектом насмешек на долгое время. Рифмовал Макар Макарович всё подряд, особенно ему понравилась моя короткая запоминающаяся фамилия, которая легко рифмовалась с массой слов и давала простор для полёта безудержной фантазии поэта-пошляка. Мимо меня пройти и не выдать очередную рифму было выше его сил. Самым безобидным было: «Удод, в рот тебе пароход!». Поскольку я был молод и на вид не представлял собой ничего агрессивного, то во мне он видел то же самое, что боксёр видит в гру-

ше, набитой опилками. Пускать в ход кулаки в ответ означало проявить непростительную слабость и потерять всяческое уважение товарищей. Поэтому я решил бить врага его же оружием. Зная, что в острословии последнее слово всегда за ним, я решил рассчитать всё до мелочей, чтобы не было у Макарыча времени ответить на мой выпад.

Однажды на посадочной площадке я держался в стороне до момента, когда людские площадки подойдут очень близко и будет время только для моей шутки.

– Макарыч! – подошёл я поближе. – Прости, я был неправ вчера. Ты не старый убудодок, ты – великий человек.

– Ты чего это, Вова? – изумился Макарыч. – Али осознал? Или Митькой решил прикинуться? А ну, говори.

– Да нет, Макарыч, я серьёзно, потому что узнал, что в честь тебя целый посёлок назвали.

Вокруг все притихли, насторожились, пытаюсь понять, в чём же подвох. Макарыч тоже старался проникнуть в логику моих мыслей.

– Ну? – проронил он. – И какой же?

– Посёлок Дубовский, – отвечаю спокойно и серьёзно.

– Ну и при чём тут Дубовский до Сосновского? Какая-то нескладуха у тебя получается, что-то типа: сидит заяц на заборе, полна ж... кирпичей.

– Ты не понял, Макарыч, Дубовским назвали посёлок в честь самого деревянного слесаря по объединению – Сосновского. Что дуб, что сосна – всё одно дерево.

Народ оценил мою шутку, в отличие от Макарыча. Деревянным на шахте называют никчемного слесаря, а титулом дубового награждают самого тупого и ни на что не годного слесаришку. Это не соответствовало действительности, поскольку мой оппонент был очень даже приличным электро-слесарем, хорошо знавшим своё дело, но моей задачей было безнаказанно его задеть, и я этой цели достиг в самый подходящий момент: подошла «коза», и рабочие стали торопиться занять в ней места. Таким образом я стал первым, кто поколебал миф о непобедимости Сосновского.

– Ну что, Макар, как тебя этот пацан отбрил? – слышал я насмешки своих товарищей, которые в этот момент были явно на моей стороне.

Как всякий юморист, Макар Макарович любил смеяться над другими, но не очень радовался, когда смеялись над ним. Вот и затаил он на меня обиду, вынашивая план мести. Для этих целей и понадобился ему болт как символ мужского достоинства.

Три дня Гоша таскал в кармане спецовки путевой болт, каждый раз на посадочной площадке восьмого горизонта напоминая о нём своему наставнику. И вот, наконец, Макарыч, как опытный охотник, выследил дичь, на роль которой был назначен я. Подсев поближе ко мне, он подмигнул Гоше, и тот протянул ему болт.

– Удот, – громко и намеренно искажая мою фамилию, сказал Макарыч, – болт тебе в рот!

Лучше бы он этого не делал. Для него лучше. Не стоило недооценивать юное поэтическое дарование в моём лице. Не дожидаясь, когда посмеются над пошлой остротой, я ответил так же отчётливо и громко:

– А тебе два, чтоб не качалась голова!

– А тебе три, чтобы не было пусто внутри! – молниеносно парировал Макарыч.

– Открывай рот пошире – тебе четыре!

Народ почувствовал, что началась настоящая словесная дуэль, и обратил свои взоры на нас. Сначала молчали, а потом гулом одобрения приветствовали каждый выпад соперников.

– Тебе пять – и приходи за новым опять! – почувствовал кураж Макарыч.

– А тебе шесть и с бешеной собаки шерсть! – не унимался я.

– А тебе семь, чтобы было хорошо совсем!

– Милости просим – тебе восемь!

– Лови девятый, сосунок проклятый!

– А тебе все десять, а больше не влезет! – радостно подвёл я итог, разводя руками. – Всё!

Макарыч долго искал рифму к слову «одиннадцать», беспомощно хватая воздух ртом, ещё больше веселя публику, и без того пребывающую в приподнятом настроении. И тут я решил окончательно добить оппонента:

– Эх ты, Макарон Макароныч, дыши глубже, уже площад-

ки подходят.

Так мной был впервые развеян миф о непобедимости Сосновского, но главное, и я этим по праву горжусь, – прозвище Макарон Макароныч за Сосновским закрепилось до конца его дней. Самым обидным для него было не само поражение, а то, что оно состоялось в присутствии его учеников, в глазах которых он никак не хотел терять авторитет.

Но после выходных дней Сосновский был по-прежнему весел и жизнерадостен.

– Макароныч, как там молодуха с ёжиком на твоём конце поживает? – затрагивали его, как обычно, на посадочной площадке, и все смеялись от постановки вопроса и от нового обращения к Макарычу.

– Не-е, – как ни в чём не бывало отвечал Сосновский, – сегодня одни старухи-мешочницы на базар ехали. Правда, зажали меня так, что молодухам поучиться надо. Одна так притулилась сзади, думал – мешками в спину упёрлась, а когда оглянулся... Мать моя, там сисяки... Во! – он показал руками, какие именно. – Водила как тормознёт, она мне своими арбузами в спину – толк, у меня глаза вылезают из орбит. Так и едем, а водила, как специально, часто подтормаживает. При каждом толчке мои глаза рискуют покинуть насиженное место. Впереди меня баба-дура подумала, что это я ей глазки строю, и спрашивает так интимно: «Мужчина, что это вы так на меня таращитесь?». А мне-то больше не на кого таращиться, только эта противная рожа напротив, в такой

давке сильно не поворухнёшься. Я молчу. Она опять, после очередного толчка: «Мужчина, перестаньте таращиться». Я не выдержал и так культурно говорю: «Мадам, если бы вам так же вдули, как мне сейчас в спину, вы бы еще не так таращились». И вот спрашивается, за что она обозвала меня хамом?

Можно бесконечно пересказывать шутки Макарыча. Рот у него редко закрывался, а желающих его послушать было всегда хоть отбавляй. Однажды к нам на шахту приехал наш земляк, дважды Герой Советского Союза космонавт Владимир Афанасьевич Ляхов, который числился почётным членом лучшей на то время бригады страны. И это событие тоже не могло пройти мимо Сосновского. Он быстро его обыграл, подогнав очередной анекдот под факты, которые действительно имели место на шахте.

– Слыхали, вчера Ляхов с делегацией на четвёртый участок ходил? – интересовался он у разинувшей рот публики. – Директор перед этим вызвал начальников и сказал: «Смотрите у меня, не опозорьтесь. Чтобы везде порядок был и чтобы у рабочих тормозки были хорошие. Не дай бог, у вагонщика Бляхина опять будет вонючая селёдка с луком или камса». Ну, Васю Бляхина вы все знаете, ему жена, кроме кильки, редко что в тормозок кладет. А тут идут они вчера, проходят мимо Васи, а тот тормозок уплетает. Наш первый секретарь горкома говорит: «Ну-ка, директор, давай посмотрим, чем твои шахтёры питаются». Бедный директор с лица

спал от страха. Смотрят – а у Васька бутерброды с чёрной икрой, и он их с аппетитом не спеша наворачивает. Все испытали чувство гордости за шахтёра, похвалили директора и пошли дальше. А директор задержался возле Васька и спрашивает: «Ты, вот это вот, Бляха-Мухин, где икру чёрную взял? Я даже себе по блату достать не могу, а у тебя целых четыре бутерброда». А Васёк отвечает: «Жена купила два килограмма кильки, мы с ней всю ночь булавками глазки выковыривали».

Он так артистично всё излагал, пародируя и жестами, и голосом героев своего рассказа, что не смеяться было невозможно.

Но однажды Сосновский дошутился. Кроме прочих шуток и приколов, он любил сочинять пошлые матерные песни на популярные мелодии. И если бы просто матерные...

– Макароныч, спой что-нибудь новенькое, – как-то попросили его.

– Новенькое? Ладно, будет вам новенькое. Песня про жену, муж которой уехал в длительную командировку.

Макарыч запел песню собственного сочинения на мотив общеизвестной песни «Раскинулось море широко». Надо отдать должное, у него был хороший голос и отменный слух. По крайней мере, фальшивых нот за ним не наблюдалось. В этой песне был такой куплет:

*За то, что раскинула ноги,
Прошу её не оскорблять —*

Она не заморская шлюха,

А просто советская б...

Всем песня понравилась, даже кагэбист, говорят, смеялся, когда ему докладывал стукач. А вот Сосновскому было после не до смеха. Таскали его не раз на собеседование в известное учреждение и заставляли петь вживую свои творения в присутствии всех сотрудников. Им было смешно, а Макарыч уже сам не рад был своим талантам. Рассказывали, что только парторг шахты сумел убедить компетентные органы в том, что Сосновский никакой не враг советской власти, а обыкновенный придурок. Хотя я думаю, что там и без этого сидели не дураки.

Макарыча оставили в покое, но острот его мы какое-то время не слышали. Однако такой дар не пропёшь и не прогуляешь, и вскоре на посадочной площадке опять было весело и шумно.

Теперь расскажу о последней шутке Макара Макарыча на шахте.

Как-то раз Сосновскому дали всего одного ученика. Зато какого! У него был явный талант скульптора. Он всё время лепил фигурки, и делал это очень мастерски. В руках этого практиканта постоянно находился кусок глины, который он разминал и после превращал в очаровательную зверюшку или птичку.

– Что ты, Серёга, всё время ерундой маешься? – сказал ему как-то Макарыч. – Слепил бы что-нибудь стоящее.

– А давай я тебя вылеплю, – предложил ученик.

– А сумеешь?

– Запросто!

– Ну смотри, если не буду похож...

– Да мне не впервой, Макарыч, я для памятников на кладбище уже несколько бюстов вылепил. Ещё ни один заказчик не обиделся. Так то я по фотографии делал, а с натуры гораздо легче.

– Тьфу на тебя. Я ещё пожить хочу. Хотя... может, и сгодится, когда помру. Только вот что, лепить будешь, чтобы никто не видел, а то скажут, что у Макарона крыша поехала. Дескать, слепил из Макарона шута Наполеона.

Несколько дней ученик прилежно работал над бюстом своего учителя, скрывая ото всех будущий шедевр. Всё было бы хорошо, если бы машинист электровоза Федя Кострицкий по кличке Кастрат не нанёс Макарычу кровную обиду. В тот роковой день Федя на шутку Сосновского по своему адресу отреагировал не совсем корректно:

– Макарон, а знаешь, почему Каин убил своего брата Авеля?

– Знаю, Кастратушка, знаю, – ехидно отвечал Макарыч. – Потому, что Авель любил рассказывать старые анекдоты про кастратов.

– Нет. Потому что не любил таких гомосеков, как ты.

Такое оскорбление старый любитель молодух безнаказанным оставить был не в состоянии. Ничто не могло его так

оскорбить, как причисление к сексуальному меньшинству. План вызрел мгновенно.

– Доставай из схованки мой бюст, Серёга, – сказал он ученику. – Будем сейчас делать, как у мадам Тюссо.

Ученик был сообразительным. Быстро нашли старую спецовку, которая использовалась как подстилка на импровизированной скамейке возле сухой трансформаторной подстанции, какие-то рваные сапоги, в которых носили путере-монтщики болты и костыли, старую каску, служившую удобной ёмкостью для солидола. Из всего этого получилось вполне приличное чучело. Его отнесли до поворота выработки на сопряжении штрека с ходком на посадочную площадку и положили на рельсовый путь в ожидании Федьки Кастрата, который должен был везти партию груза на опрокид. Место выбрано было идеально. Здесь машинисты набирали скорость, чтобы не буксовать на подъёме, а поворот штрека ограничивал обзор машинисту электровоза. Перед входом в этот поворот машинист в обязательном порядке подавал звуковой сигнал, предупреждая об опасности тех, кто мог находиться вне зоны видимости состава. Уложив чучело на рельсы так, чтобы выглядело естественно, на голову ему нахлобучили каску и повернули лицом навстречу гибели.

– Как живой, – вздохнул Макарыч, – даже жалко губить такой шедевр. Но искусство требует жертв. Да, студент?

– Ради такого дела я ещё сваяю, – заверил ученик.

– А вон и Кастратушка едет, пойдём в ожидаловку, спря-

чемся, а как только проедет, будем посмотреть на этого умника.

Через несколько минут Федя Кострицкий, набирая разгон перед поворотом, подал звуковой сигнал. А ещё через мгновение он заметил лежащего без сознания на рельсовом пути человека, на которого неотвратно надвигался его гружённый состав из полусотни вагонеток. Остановить махину уже не могла никакая сила. Федя с ужасом и осознанием своего бессилия повлиять на ситуацию наблюдал, как его электровоз легко переехал жертву, в которой он узнал человека, обиженного им всего пару часов назад. Да, совсем недавно Макарыч был весёлый, живой, жизнерадостный – и вот...

Духу осмотреть перерезанное тело у Фёдора не хватило. В шоковом состоянии, остановив состав, он выскочил из кабины электровоза и побежал в сторону опрокида. Первый, кого он увидел, был опрокидчик Лёня.

– Лёня! – закричал перепуганный насмерть машинист электровоза. – Я Макарона, кажись, переехал.

– Как переехал? Где? – приходя в состояние ужаса, спросил рабочий.

– Там, на повороте. Затормозить не успел... Он уже на рельсах лежал... бледный такой... и глаза уже закрытые.

– А ученик его? Они же вместе пошли.

– Не знаю, я только Макарона видел. Он один на рельсах лежал и не дышал уже. Лёня, пошли, посмотрим.

– Не-е-ет, я покойников боюсь. Представляю, какая там

каша... Бр-р-р! Давай лучше горняку скажем, он только что с породного бункера звонил.

Вызвали горного мастера, и уже собрались было идти с ним осматривать место несчастного случая, как к ним, живой и невредимый, подошёл с невинным выражением лица Макар Макарович собственной персоной в сопровождении своего весёлого ученика. Федя потерял сознание...

Лучше всех эту шутку оценил директор шахты. Не успел электрослесарь Сосновский помыться в бане, как начальник отдела кадров вручила ему далеко не в торжественной обстановке трудовую книжку с записью «в связи с переходом на пенсию».

Путь на любимую шахту был отрезан окончательно и бесповоротно. Однако недолго пылился без дела талант Макарыча. По осени играли свадьбу старшего внука. Все гости были в неописуемом восторге от шуток и розыгрышей бывшего слесаря. Свадьба под руководством деда прошла на ура и на одном дыхании. Обычно свадьбы в наших краях проводят в два дня, а эту по просьбе родственников и соседей пришлось растянуть на три – так было весело. Через некоторое время его пригласил сосед провести свадьбу дочери. Так Макарыч стал нештатным тамадой. Казалось бы, живи, наслаждайся любимым делом, так нет, оставаться в рамках приличия надолго было не в его характере.

Однажды на свадьбе солидных людей, к которым из-за границы приехали близкие и дальние родственники – а для

них, собственно, и предназначалось это шоу, – Макар Макарович проявил себя с самой отвратительной стороны. Будучи человеком простым и «без мух в голове», как он говорил, Макарыч почувствовал себя неуютно среди чопорной, демонстративно малопьющей, культурной и насквозь фальшивой публики. «Ну ладно, – подумал он, – покажем вам, кто вы есть на самом деле». И принялся самыми иезуитскими методами накачивать гостей алкоголем. Первым делом он убедил всех присутствующих, что не пить до дна означает кровно обидеть молодых. Оставлять на слёзы в рюмках водку – желать молодым горькой судьбы. Когда дело дошло до даров, тут уж Макарыч развернулся вовсю, наливая по полному фужеру водки и заставляя пить не только дарящих, но и всех остальных – для моральной поддержки. Всё фиксировалось на видеокамеру, которая в то время считалась особым шиком и признаком солидности мероприятия. Тамада призывал родителей не скупиться на водку, а родственников – на подарки. Первые были в этот момент очень довольны тамадой, чего нельзя было сказать о прижимистых родственниках из Германии. К вечеру не осталось ни одного трезвого человека на свадьбе, за исключением Макарыча, который добросовестно относился и к работе тамады, и к обязанностям оператора.

Настало время конкурсов. От желающих принять участие не было отбоя. Самыми активными были в доску пьяные иностранные гости. Для начала Макарыч провёл несколько

музыкальных, вполне безобидных, конкурсов, а потом объявил в микрофон:

– А сейчас объявляется конкурс специально для самых дорогих зарубежных гостей! Участие принимают исключительно дамы! Желающие могут занять места вот за этим столом. Приз победителю – бутылка лучшего в мире шампанского, нашего, а не какой-то там мадам Клико!

Шесть раскрасневшихся от предыдущих подвижных конкурсов дам и один мужчина поспешили занять места за указанным столом.

– Я же сказал, что это конкурс для дам, – сделал мужчине замечание тамада.

– О, я, я. Любить русский традиций. Хотеть играть. Любить играть. Дафай, дафай!

– Это Вальтер, – пояснила тёща, – муж моей двоюродной сестры. Пусть сидит, всё равно не откажется. Он по-русски говорит хуже, чем я по-немецки. Хотя я, кроме «хенде хох» и «Гитлер капут», ничего не знаю.

– Ладно, – согласился Макарыч, – пусть сидит, сам напросился.

Тамада объяснил правила конкурса: нужно с закрытыми глазами без помощи рук откусить как можно больший кусок от неочищенного банана. Условия простые: кто быстрее и больше откусил – тот и победитель. Затем Макарыч отвел в сторону помощников и объяснил им их задачу. Помощники были парни молодые, весёлые и вполне понятливые. Кон-

курсантам, прежде чем завязать глаза, показали, где перед ними на столе помощники будут держать на вытянутых руках бананы, чтобы они могли заранее примериться. Затем завязали им глаза и заставили завести руки за спину, чтобы не было соблазна ими себе помогать. Когда участники конкурса готовы были по команде приступить к выполнению задания, помощники ловко натянули на бананы презервативы и замерли в ожидании.

– Начали! – скомандовал тамада. – Маэстро, музыку!

Некоторые дамы, наткнувшись губами на знакомый предмет, испытали настоящий шок. Победителем оказался Вальтер, который отхватил самый большой кусок банана, даже не поняв подвоха. Зато стал счастливым обладателем приза, которым тряс над головой и что-то радостно выкрикивал на немецком. Очевидно, в этот момент он чувствовал себя Шумахером, выигравшим важный этап «Формулы 1», и требовал от тамады новых побед, чтобы закрепить свой успех.

В общем, свадьба прошла очень весело, но когда протрезвевшие гости посмотрели на себя в кино – а там было на что посмотреть помимо конкурса с бананами, – Вальтер что-то простонал по-немецки.

– Что он сказал? – поинтересовалась хозяйка у своей двоюродной сестры.

– О мой бог! Какие же мы свиньи, – перевела сестра.

– Правильно, это вам не русиш швайн, – подвела итог хозяйка.

Макарыч был доволен своей работой, даже приобрёл копию видео этой свадьбы. Но это была, пожалуй, его лебедина песня. Может быть, из-за расстройств заморского гостя, а может, по какой другой причине Сосновского перестали приглашать на подобные мероприятия. Старейший Макарыч заскучал дома и, чтобы совсем не утратить квалификацию, тренировался на жене, детях и внуках, доводя порою своих родных этими шутками до белого каления.

Так прошло несколько лет. Однажды из Москвы приехал погостить младший внук, самый любимый. Он уехал в столицу уже чужого государства на заработки и быстро нашёл там своё счастье в лице коренной москвички с отдельной квартирой, с которой уже год прожил в счастливом, хоть и неофициальном, браке.

– А почему жена не приехала с тобой? – поинтересовался дед.

– У неё бизнес, – с гордостью ответил внук. – Я с ней и познакомился, когда она взяла меня к себе на работу.

– У неё, стало быть, бизнес, а мой любимый внук – подкаблучник, – горько вздохнул Макарыч.

– Да уж лучше быть в Москве подкаблучником, в чистоте, тепле и с деньгами, чем гнить в вонючей шахте за копейки, – обиделся внук.

– Лучше быть в дерьме, но оставаться при этом человеком, а не альфонсом. Когда ты работал в шахте, ты был человеком.

– Да каким я был человеком, дед? Я даже семью себе завести не мог позволить.

– Заводят собак! Мы с твоей бабкой, прежде чем построить вот этот дом, пять лет клопов в бараке кормили, но были счастливы.

– Сравнил! Когда это было? Совсем в другие времена!

– Не помню кто, но кто-то очень мудрый, сказал: «Времена не выбирают, в них живут и умирают».

– А это ты к чему?

– Боюсь, что сейчас не поймёшь.

Два дня Макарыч ходил задумчивый, а потом решил спасти внука. Он стал уговаривать того взять его с собой, так как никогда не был в Москве.

– Вот умру и не увижу столицу златоглавую, – убеждал он внука. – А так и Москву посмотрю, и на жену твою полюбуюсь. Может быть, ты наврал всё, потому и не хочешь, чтобы я ехал. Или ты деда стыдишься?

– Ничего я не стыжусь. Просто ты начнёшь там свои шуточки шутить, а это тебе не шахта, могут не понять.

– Стыдишься деда – так и скажи. Они там, наверное, графья, конечно, не то, что мы, шахтерня неотесанная...

– Да ладно тебе! Собирайся, поехали.

Вы видели, как ведёт себя собака, выпущенная на волю после долгого пребывания взаперти? Тогда можете понять ощущения Макарыча. Ехать решили автобусом из Луганска. Дедушка по достоинству оценил удобства сидений доброт-

ной машины, в первую же минуту попробовав все виды регулировки положения кресла, к большому неудовольствию сидящего сзади тучного мужчины. Внук расположился у окна, а Макарыч занял место у прохода. Автобус тронулся, и дедушка сразу же «включил дурачка».

Проходившему мимо него второму водителю он сделал замечание:

– Во время движения автобуса хождение по салону запрещено.

– Мне можно, – вежливо пояснил молодой человек, – я водитель этого автобуса.

– А как же мы тогда едем, если водитель по салону разгуливает? – изобразил удивление Макарыч, но потом подмигнул и сказал: – А—а, понятно. Автопилот включил.

– Нет, дедушка, – так же вежливо ответил молодой человек, – я второй водитель.

Макарыч хотел продолжить беседу, но внук толкнул его локтем в бок:

– Дед, не мешай людям работать.

– Я ничего, я просто интересуюсь, – пробормотал дедушка, а водитель, извинившись, пошёл в конец салона. – Надо же, какие вежливые. Даже неинтересно.

Когда молодой человек, возвращаясь, поравнялся с Макарычем, тот поймал водителя за лацкан пиджака и великошвевски произнёс:

– Извините меня, пожалуйста, можно вопрос?

– Да, пожалуйста.

– Скажите, во сколько мы прибудем в Мариуполь?

– Мариуполь совсем в другой стороне, дедушка. Мы не будем через него проезжать.

– А разве мы едем не на Мариуполь? – искренне удивился Макарыч.

– Нет, дедушка, этот автобус идёт на Москву.

– Как – на Москву? – в голосе старика одновременно прозвучали нотки ужаса, удивления и возмущения: в Сосновском проснулся настоящий артист.

– Степаныч! – заорал не своим голосом водитель коллеге, – останови! У нас тут пассажир рейсы перепутал.

Внуку стоило огромных усилий убедить обоих водителей, что дедушка таким образом шутит.

К чести водителей, нужно сказать, что чувство юмора у них всё-таки было, и кончилось дело тем, что Макарыч большую часть пути развлекал их, перебравшись на переднее сидение, анекдотами и весёлыми историями из шахтёрской жизни. А в Москве они тепло распрощались, как старые друзья, сказав внуку:

– Классный у тебя дед, береги его. Сколько ездим, а такого весёлого встречаем впервые.

Макарыч предусмотрительно попросил внука показать Красную площадь.

– Да успеешь ещё, – не понял подвоха внук. – Давай сначала домой.

– Нет, внучок, хочу посмотреть Красную площадь, а потом и помирать не страшно будет.

– Ты чего, помирать собрался?

– У меня уже возраст такой, что в любой момент могу кони двинуть. Уважь старика, покажи площадь.

– Ну ладно, – согласился внук, – поехали. А ты как хочешь – в метро или такси возьмём?

– На такси я и дома покатаюсь. Давай метро.

Побродив по Красной площади, Макарыч сказал:

– Теперь можно и домой.

Внук значение этих слов поймёт немного позже.

Когда приехали на квартиру, хозяйки дома не было.

– Юля ещё на работе, – пояснил внук. – Можешь отдохнуть с дороги. Хочешь – на диване, а хочешь – кровать постелю.

Дедушка предпочёл мягкий кожаный диван, и под звуки телевизора быстро заснул.

Часа через три внук разбудил дедушку:

– Дед, вставай, Юля пришла.

Макарыч поднялся, сонно протирая руками глаза. В комнату вошла женщина лет на пятнадцать старше внука, высокая, худощавая, с короткой, под ёжика, стрижкой. На лице не была написана радость от встречи.

– Кто это? – спросил Макарыч, изображая искреннее удивление.

– Ты что, не проснулся? Это же Юля – жена моя, – пояснил

внук.

Дед задумался, будто пытаясь что-то вспомнить или сообщить, бормоча себе при этом под нос:

– Юля, Юля... в попе дуля...

А потом изобразил ещё большее удивление:

– А тогда кем была та, с которой ты к нам приезжал?

...Домой ехали уже поездом, в плацкартном вагоне, на боковых местах, с полным комплектом вещей. Ехали молча, не глядя друг на друга. Если внук умел молчать сутками, то Макарыч себе этого позволить не мог.

– Ну не понравилась она мне, – сказал он виновато. Внук не реагировал. – Ну какая она тебе жена? Ты молодой, красивый... Она же старуха! Да к тому же ревнивая, и чувства юмора никакого. Ну на кой она тебе?

Внук молчал, демонстративно глядя в окно, будто деда для него больше не существовало.

– Пожить в Москве захотелось? – продолжал Макарыч. – Подумаешь, Москва! Стоит ли из-за этого губить свою молодость? Нет, я понимаю, был бы ты артистом, тогда – да, а так – мальчик на побегушках у тощей старушки. По мне лучше с бедной молодухой, чем с богатой старухой. Молчишь? Тогда сам знаешь, где торчишь.

Мимо проходила проводница, предлагая чай.

– Хочу чаю, аж кончаю, – сострил дедушка. – Нам два чая, пожалуйста, милая барышня.

– Мне не надо, – сердито пробурчал внук. – Лучше я пой-

ду покурю.

– Всё равно несите два, я и сам выпью.

Внук пошёл в тамбур, но, проходя мимо купе проводников, задержался и о чём-то долго с ними беседовал.

Когда проводница принесла Макарычу чай, тот снова взялся за своё:

– Милая барышня, скажите, пожалуйста, во сколько поезд прибывает в Воркуту?

– В какую Воркуту, дедушка? Мы идём на Луганск.

– Как на Луганск? – включил свой артистический дар старик. Он и предположить не мог, что его с потрохами предал родной внук.

– Так, на Луганск, – подыграла Макарычу проводница.

– А мне в Воркуту надо, мне на Луганск не надо!

Стала подтягиваться любопытная публика из соседних отсеков и сочувствовать бедному заблудшему дедушке, ругая всех и вся, вспоминая его непутёвых родственников, бросивших больного старого человека на произвол судьбы, кляня на чём свет стоит нынешнюю власть и современные нравы. В такой обстановке Макарыч чувствовал себя как рыба в воде и ещё больше входил в кураж.

– Все меня бросили, никому я не нужен.

– А молодой человек, который сидел с вами, – он кто? – поинтересовалась сердобольная полная женщина.

– А я почём знаю, он даже чаю не захотел со мной выпить.

– Надо же что-то делать, – сочувственно произнесла дру-

гая, не менее сердобольная женщина.

– Граждане! – завопил старик. – Остановите поезд, я сойду, пока далеко не уехали.

Когда кто-то из пассажиров начал всерьез интересоваться, где находится стоп-кран, проводница не на шутку испугалась:

– Какой стоп-кран? Вы что? Погодите, я сейчас старшего позову.

Она вернулась с коллегой, оказавшимся довольно-таки крепким мужчиной, объясняя ему на ходу ситуацию, как будто тот не был в курсе происходящего.

– Ну что ж, на ближайшей станции будем высаживать, – сказал мужчина в форменной одежде.

Публика неодобрительно зароптала.

– Не волнуйтесь, граждане, мы передадим дедушку дежурному по вокзалу, там разберутся.

...Как ни упирался Макарыч, но силы были неравны, и он оказался на перроне незнакомой станции. Когда его волокли мимо внука, мирно кутившего в тамбуре, он умолял проводников:

– Вот, у внука спросите, он подтвердит!

– Вы знаете этого дедушку? Он утверждает, что вы его сопровождаете.

– Не знаю я этого психа. Он ещё в Москве ко мне привязался. Мне он сразу показался подозрительным.

– Предал деда? – уже стоя на перроне, сказал горько Мака-

рыч. – Предатель! Ты первый предатель в роду Сосновских. Ну и катись к чёрту.

Старик громко сплюнул, отвернулся и пошёл вдоль состава.

– Ладно, дед, – примирительно сказал внук, – я пошутил. Залезай обратно.

– Да пошёл ты!

– Ну чего ты обиделся? Ты пошутил, я пошутил. 1:1. Залезай, а то поезд сейчас тронется.

Макарыч, не отвечая, медленно шагал вперед. Снова пришлось применить силу, чтобы втащить старика обратно.

Дальше ехали молча, расположившись каждый на своей полке. Если Макарыч был сильно подавлен, то у внука настроение заметно поднялось. Расплатившись бутылкой коньяка с проводниками за удачный розыгрыш, перед тем как залезть на верхнюю полку, он наклонился к отвернувшемуся к стене старику и тихо сказал:

– А всё-таки я люблю тебя, дед. Прости и не сердись.

Макарыч и без этого простил уже внука и несколько не сердился. Он был счастлив. Его душу наполняла двойная радость: любимый внук возвращался домой – и появилась, наконец, достойная смена. Теперь можно с чистой совестью уходить на покой.

Судный день Василия Мухина

– Что вы на всё это скажете, товарищ Мухин? – спросил председатель товарищеского суда Фёдор Степанович Кулиш. – Да вы встаньте, встаньте, когда к вам обращаются. И отвечайте внятно и понятно, как всё произошло, как вы избивали свою жену и за что. Только всё по порядку и обстоятельно. Должны же мы, наконец, разобраться, кто прав, а кто виноват. Мы вас слушаем, Мухин.

– А шо говорить? Ну, пришёл, ну увидел, ну дал в глаз, блин... – вставая, произнёс обвиняемый.

– Вы, Мухин, – пропищала общественный обвинитель Вера Павловна Чижова, – излагайте всё по порядку. С чего всё началось и как вы докатились до того, чтобы поднять руку на женщину, мать ваших детей.

– Гражданин судья, – взмолился Мухин, – шо это она про детей? Нет у меня никаких детей.

– Значит, мать своих будущих детей, – не растерялась Вера Павловна. – Не уходите от ответа, Мухин. И не надо здесь юлить.

– Да, Мухин, отвечайте по существу, – произнёс председательствующий, непонятно для чего постучав карандашом по графину с водой.

Отвечать по существу Василию Мухину было не под силу. Во-первых, он чувствовал себя в данной ситуации пол-

ным идиотом, а во-вторых, произнести фразу без мата для него было непосильной задачей. Матерные слова Вася начал произносить раньше, чем осилил слово «мама». Сказалось воспитание отца и старших братьев. В шахте было ему легко и просто общаться с коллегами – там этот язык был предельно понятен каждому горняку, но в суде, пусть даже товарищеском, Василий чувствовал себя явно не в своей тарелке. А ведь говорить что-то надо.

– Гражданин судья... – неуверенно начал Мухин, но председательствующий его оборвал:

– У нас суд товарищеский, и тут обращение принято «товарищ». Не волнуйтесь, Мухин, мы здесь, прежде всего, чтобы вам помочь стать на правильный путь. А если мы не найдём взаимопонимания, то передадим это дело уже в гражданский суд, а там уже будут с вами не так говорить. Давайте всё по порядку рассказывайте, с чего всё началось.

В зале сидело около полусотни человек. Одни пришли из любопытства, других обязали присутствовать как представителей участка, на котором работал обвиняемый. Один из этих представителей, коллега и друг Мухина Витька Хромушин, выкрикнул:

– Давай, Васёк, расскажи по-быстренькому, а то на автобус опоздаем.

– Попрошу тишины в зале! – строго крикнул председатель. – Мы вас слушаем, Мухин.

– Ладно, всё расскажу, – покрываясь потом, произнёс об-

виняемый. – Только не перебивайте, Христа ради. Кгм... кгм... Давеча крепим лебёдку в штреке. Я и этот му... Казбек нерусский. Я откос в лапу вставил... он, ссс..., длинный, блин... Я держу, тяжёлый, б... бляха... Ору этому мму... Казбеку: «Подбей лапу, бб...»! А он, ммму... «Чем бить буду?». Я... мне тяжело, ббб... лин, ору: «Возьми кувалду, ддолб... бб, и бей по лапе!». А он, ммм... «Больна будит!». Я ему: «Х... нерусский, бей по лапе, говорю, мать твою за ногу!». А этот ддол... бак своё: «Больна будит!». У меня спина, бб., трещит, я держу откос... У меня ж... в дулю.., в глазах мухи, ору: «Бей, ббб!.. Я уже не могу, б.., сколько можно же ж... Бей, ссу...»! А он опять: «Больна будит!». Ну не ммму...? У меня уже сил нет, думаю уже, брошу нах... эту хху... дровеняку, блл... А как подумаю – опять подымать, то думаю: ну её нах... Ору этому пи... «Бей по лапе, турецкий твой папа, она железная!». И этот му... как ухху... мне кувалдой по ноге... Ёпп... понский его папа! Догнал бы – убил бы нах... этого пи... пианиста, блин. Кинул ногу в канавку нах... Вода, бб., аж шипит. Думал, поможет. Них... ббб... Синяя, ббб... Как баклажан у негра. А этот пи... анист... нну, Казбек: «Я же говорил, больна будит». Я в него кинул кувалду... ббб... Промазал нах... А то убил бы нах... Тут начальник пришёл, говорит: «В больницу надо». Ну, нах... В больнице я не лежал! Тогда он говорит: «Пи... ну, в общем, иди домой». Я и попи... ну, пошёл домой. А Тоська, су... Ну, не знала, что я раньше приду, бб...

Гришка, мразь, тоже не знал, пи... Ну, он тоже пианист, только умный, не то что этот мму... Казбек. Я захожу, а они е... ну, как его... Вот, блин, как это называется? Ну, ладно, Гришка в окно... С моей ногой куда, нах... гнаться за этим молокососом. А Тоська, ссу... голая совсем, бб... говорит: «Вася, это не то, о чём ты подумал». Я ей: «Ты шо, ох... совсем, бб... У меня нога больная, б..., а глаза здоровые пока ещё, нах...»! А Тоська: «Вася, не верь глазам своим, верь мне!». Ну, нах... Я ещё не совсем е... ну, не поехал, нах... Глазам своим не верить, куды ни нах... Дал ей промеж глаз, а рука у меня тяжёлая, блин, а то бы растянул удовольствие, нах... Думаю, убью ещё, нах... Потом, нахх... посадят... Ну её нах... И пошёл к куму лечиться, блин... Вот.

К концу рассказа кое-как сохраняли спокойствие только председательствующий Фёдор Степанович и тощая, как велосипед, старая дева Вера Павловна – общественный обвинитель: обязывала возложенная на них ответственность. Остальные катались от смеха в самом прямом смысле, особо смешливые сползли под сиденья откидных кресел. Напрасно судья стучал карандашом по графину, призывая к порядку, напрасно грозил кому-то кулаком в зал. Контроль над публикой был безнадёжно утерян. Но недаром Фёдор Степанович Кулиш два года учился на юридическом (ходили слухи, что выгнали его из института за пьянку); он поднялся во весь свой далеко не богатырский рост и крикнул в зал:

– Товарищи, это же вам не балаган! Будьте благоразумны!

Решается судьба вашего товарища! Вам что, хочется, чтобы его посадили?

Этого никому не хотелось, и зал притих. Смеяться, конечно, не перестали, но делали это уже не так громко. Как только стало немножко потише, судья продолжил:

– Может быть, кто-то сможет перевести на нормальный язык, что тут нагородил этот нах-них? Что скажет общественный защитник?

Общественным защитником от участка был выдвинут я. Язык своего товарища я хорошо понимал, но даже не это было главным. Мне были в подробностях известны все обстоятельства этого «запутанного» дела, поэтому я был тоже не прочь блеснуть красноречием:

– Товарищи! Двадцать пятого числа Вася Мухин и Казбек Алиев крепили в восьмом штреке лебёдку. Вася вставил в металлическую лапу четырёхметровый откос. К лапе на цепи крепилась лебёдка. Чтобы лебёдку не сорвало при погашении арочной крепи, её нужно надёжно закрепить. Откосом служило бревно, мокрое и тяжёлое. Чтобы распереть откос между кровлей и почвой, нужно было подбить низ откоса. О чём Василий и попросил Казбека. Но Казбек по-русски понимает плохо...

– Да, плохо понимаю, савсэм плохо, – выкрикнул со своего места Алиев. – У мэдвэда лапа есть, у человека лапа есть, у лэбьётка лапа – нэт.

– Вот, сами видите, – продолжил я. – Вместо того чтобы

подбить лапу, Алиев врезал Васе кувалдой по ноге...

– Он сказал, что у нэго железный лапа, – опять выкрикнул с места Казбек. – Я подумал, навэрно, протэз. Я лэгонько попробовал – нэ слыно ударыл.

– Ага! Не сильно! – воскликнул подсудимый. – У меня аж с конца закапало...

– Мухин, не забывайтесь! – строго сказал председатель. – Вы в суде, а не в забое. Защита, продолжайте.

– Ну, Казбек нанёс пробный удар слегонца по ноге Василия кувалдой. Понятно, что больно. Тут пришёл начальник участка. Осмотрели ногу. Начальник предложил Васе обратиться в здравпункт, потому что было подозрение на перелом, но Мухин отказался. Тогда Петрович говорит: «Иди домой, Вася, дам тебе пару отгулов на лечение, если нет перелома. А если перелом, тогда иди в больницу». Вася пришёл домой на пару часов раньше обычного и застал жену с любовником. Гришка убежал. А жене куда деваться? Вот Василий и не сдержался – наказал за супружескую неверность. Поэтому я прошу товарищеский суд учесть все обстоятельства дела и быть снисходительными к нашему товарищу, передовику производства, скромному в быту и в личной жизни, примерному семьянину и труженику.

На этом моё красноречие иссякло.

– Да уж, – пробормотал растеряно Фёдор Степанович, – дела-а. Как же так, Антонина, – обратился он к женщине в первом ряду, на которую до сих пор никто не обращал ни-

какого внимания, — сама набедокурила и на мужа жаловаться пришла?

Женщина подняла голову, затем встала. Оба её глаза почти полностью скрывались за чёрными кругами, поблёскивали только две узкие щелочки. Это была жена Василия Мухина, женщина с аппетитными формами, в скромном платье и при этом с ярко накрашенными губами, что только усиливало впечатление от мастерски проделанной работы мужа.

— Да нешто я на моего Васятку жаловаться пришла? — удивилась, с нотками возмущения в голосе, женщина. — Мой Васятка хороший! Я бы на него ни в жисть жаловаться не пошла. Подумаешь, ударил разок. Делов-то! Других баб без дела колотют мужики — и ничего, не жалуются.

— Я вас совсем не понимаю, — вытаращил глаза председательствующий, затем налил полный стакан воды из графина и залпом выпил. — Чего же вы тогда хотите?

— А чтобы ихнего начальника, этого Петровича, наказали.

— А его-то за что? — ещё больше удивился Фёдор Степанович.

— Ну как же? — в свою очередь изумилась женщина непонятливости судьи. — Это из-за него рушится наша семья.

— Да почему это из-за него? — уже не скрывал возмущения Кулиш.

— Да ну как же? — искренне не понимала тупости председательствующего Антонина. — Если бы Петрович не отправил моего Васятку раньше времени домой, то всего бы этого

не было и семья бы наша не рушилась. А теперь Васятка отказывается со мной жить.

Зал загудел. Фёдор Степанович осушил второй стакан. Старая дева, общественный обвинитель, стала усиленно протирать очки.

– Я всё же не могу понять, Антонина, – стараясь сохранять спокойствие, сказал Кулиш, – от нас чего ты хочешь? Чем мы можем помочь в ваших семейных делах?

– А накажите Петровича и Васятке скажите, чтоб домой шёл, – уверенно потребовала женщина.

– Это ваши семейные дела. Разбирайтесь сами. Мы тут при чём?

– Вас поставили судить, вот и судите по справедливости. Не хотите наказывать начальника? Ладно, не надо! У вас никогда начальство не виновато! Но Васятку верните домой!

– Да забирай ты своего Васятку и иди себе... – начал закипать Фёдор Степанович.

– Ну, так вы ему скажите, чтобы домой шёл, – не отступала женщина.

– Да как я ему скажу? Он взрослый человек, сам знает, что ему делать.

– Не хотите, значит, по-хорошему, – в голосе женщины прозвучала угроза, – и на вас управа найдётся. Я в горьком пойду!

– Да иди, иди куда хочешь!

– И пойду! Я этого так не оставлю! У нас семья рушит-

ся, а тут такое равнодушие. Вы ещё попомните меня, Фёдор Степанович!

– Мухин, дорогой, – взмолился общественный судья, – за-
бери нах... бога ради, свою жену и идите, дома разбирайтесь,
а то я уже них... ни хрена не соображаю. Все мозги за... за-
мучила в доску! Заседание товарищеского суда объявляю за-
крытым! Просьба всем разойтись к е... едрёной маме.

Фёдор Степанович вылил остатки воды в стакан, но не вы-
пил, а плеснул себе за ворот рубахи и повалился на стул, рас-
тирая ладонью грудную клетку.

– Дурдом, – пробормотал он, глядя на весёлую публику,
покидающую зал. – Такого цирка у меня ещё не было.

Последней зал покидала чета Мухиных. Антонина, вце-
пившись в руку мужа, пыталась тянуть его к выходу и при-
говаривала:

– Васятка, ну пойдём домой. Ты же слышал, что сказал
Фёдор Степанович: чтобы ты забирал меня домой и там раз-
бирался. А я согласная. Я и курочку приготовила, как ты лю-
бишь, и оладушков напекла. Ну, пойдём домой, Василёчек...

Надёжное средство

На нашей шахте сменилось руководство. Пришёл молодой, красивый, энергичный директор с огромным багажом идей. Жизнь на предприятии завертелась с новой силой. Как говорится, новая метла по-новому метёт, и вместо старых кадров на шахте стали появляться новые лица. Причём преимущественно среди женского персонала. На шахте, как и в армии, мужчины составляют подавляющее большинство, и к женщинам у шахтёров особое отношение: как конторских работников их тихо, а иногда и не очень тихо, ненавидят, но как представительниц прекрасного пола обожают. Надо сказать, что наши конторские дамы и до этого отличались привлекательностью, но с приходом нового директора стали появляться просто красавицы. Что наш директор – страстный поклонник женщин, всем стало известно очень быстро. Очередную любовницу из аппарата управления стали называть «мамкой», что несколько ту не смущало, пока она находилась в фаворе. Однако новый руководитель не отличался особым постоянством, и смена «мамки» не заставляла себя ждать. Но речь пойдёт вовсе не об этом.

Однажды директор не смог устоять перед красотой очередной претендентки на рабочее место и принял её в бухгалтерию на освободившуюся должность: её предшественница пенсионного возраста ушла на заслуженный отдых со всеми

полагающимися почестями. Звали молодую красавицу Елена. И она действительно была прекрасна во всех отношениях. Высокая, стройная, улыбчивая... Притязания директора отвергла сразу, и он быстро к ней остыл, благо на его век красавиц хватало с избытком. Зато на Леночку запал мой коллега, начальник третьего участка Сергей Петрович Парфёнов, в общении с друзьями – просто Серёга или Петрович. И ведь женатый человек, жена тоже далеко не уродина, двое детей. У Лены детей пока не было, но муж-то был – и, судя по поведению молодой женщины, любимый муж. Однако на Серёгу это не имело никакого влияния. Уж как он не подъезжал к предмету своего обожания! И конфеты с тортами приносил в бухгалтерию, и шампанским баловал весь отдел, и рассыпался в комплиментах. Но красавица твёрдо держала дистанцию, не давая даже повода усомниться в её порядочности. Серёга, в полном смысле этого слова, начал сохнуть. Дела в семье и на руководимом им участке пошли резко вниз. Друзья знали о его безнадёжном увлечении, сочувствовали ему, пытались вразумить, но тщетно.

Однажды он стоял со своим лучшим другом, начальником четвёртого участка Николаем, и они о чём-то беседовали. Я подошёл, поздоровался и поинтересовался:

– Опять, Колька, Серёгу воспитываешь?

– Скоро совсем помешается от этой Ленки, – ответил сочувственно Николай.

– Ох, братцы, худо мне совсем, – пожаловался Серёга, –

уже до развода дело доходит. Месяц к жене не подхожу. Не могу просто. Стоит у меня Ленка перед глазами – и всё тут. Я только и представляю, как я с ней и так, и вот так, и вот так.

Он жестикулировал руками, показывая как именно, но моей фантазии не хватило, чтобы представить эти немислимые позы.

– Вот только её и вижу, – продолжал жаловаться Серёга, – и ведь прекрасно понимаю, что надеяться не на что, а поделаться с этим ничего не могу.

– Да, брат, – вздохнул сочувственно и я, – тут без хорошего психолога не обойтись.

– А напиться пробовал? – спросил Николай. – Давай напьемся сегодня.

– Да пробовал я, – махнул рукой Сергей, – только хуже становится.

– А если клин клином? – предположил я.

– Я же тебе говорю: даже смотреть на других не могу! – простонал Сергей.

Мы увлеклись разговором и не заметили, как к нам подошёл ещё один наш коллега, начальник первого участка, мудрый Иван Николаевич, который, как и все мы, был в курсе ситуации.

– А ведь Володька прав насчёт психотерапии, – сказал он, и мы все обернулись к нему. – В тебе, Серёга, бушует страсть. Это никакая не любовь. В этом нет никаких сомнений. Толь-

ко плотские чувства преобладают над разумом – и ничего больше.

– А мне-то какая разница: плотские – не плотские? – с тоской произнёс Сергей. – Что делать, лучше скажи, Николаич.

– Да, Николаич, – поддержал друга Николай, – умничать мы тут все можем, а вот как помочь другу, не знаем.

– Хорошо, – согласился умудрённый жизненным опытом коллега, – знаю одно надёжное средство, но предупреждаю: если я ошибся и это не страсть, а настоящая любовь... Тогда звывняйтэ, бананив у нас нэма. Тут ничего уже не поможет.

– Да говори уже, Иван Николаевич! – не выдержал я.

– Ладно, полезно вам всем на будущее. Тут важно включить воображение на полную катушку. Результат гарантирую. Вот ты, Серёга, видишь Ленку всегда красивой, ухоженной, нарядной, отсюда у тебя возникают соответствующие ассоциации. А ты представь её дома, растрёпанную, неумытую и третий день страдающую от запора. Погоди ты, Колька, смеяться! Вот бедная женщина три дня никак не может сходить по-большому, мучается, страдает, снова садится на унитаз и делает очередную безуспешную попытку освободить кишечник. Напрягается так, что кровью наливается лицо, на лбу набрякают и вздуваются вены, выступает противный липкий пот, потом из орбит вылезают налитые кровью глаза...

Иван Николаевич продолжал красочно описывать все ужасы запора, вероятно, сам на себе имел возможность про-

чувствовать все его «прелести». Мы обступили новоявленного психотерапевта и внимали его поучениям. Николаич всегда у нас славился как мастер разговорного жанра, слушать его было интересно, а иногда и поучительно. Не знаю, сколько бы длился этот сеанс внушения, если бы его вдруг не прервало появление самой Елены. Её с какими-то бумагами вызвал к себе директор, и она, с папкой в руках, как всегда красивая и нарядная, с неизменной очаровательной улыбкой вышла из конторы и направилась в здание комбината, где располагался кабинет директора. А мы оказались как раз у неё на пути. Увидев Леночку, мы дружно повернулись в её сторону, окаменели на мгновение, но тут одновременно до сознания каждого дошёл посыл нашего Кашпировского, и мы разразились диким хохотом. Бедная Леночка подумала, что у неё что-то не так с внешним видом, оглядела себя быстро, опустив голову, ничего не нашла, потрогала волосы рукой, но поскольку мы продолжали хохотать, сочла необходимым вернуться в отдел. Осмотрев себя в зеркале и опять ничего не найдя, спросила у коллег:

– Что у меня не так?

Сотрудницы изучили растерянную женщину с ног до головы и сделали вывод, что всё нормально.

– А чего тогда эти идиоты начали ржать, когда меня увидели?

– Так ты у них и спроси, – посоветовали ей.

– И спрошу!

К нам она подошла, уже не улыбаясь, и твёрдо сказала:
– Хватит радоваться! Почему вы надо мной смеётесь?

Мы, задыхаясь от хохота, стали её уверять, что она тут ни при чём, что смеёмся из-за анекдота, который рассказал нам Иван Николаевич. А у самих в глазах стояла такая Лена, какой описал её в красках Николаич, и это вызвало у нас новый приступ истерического веселья.

– Вот придурки, – беззлобно констатировала Лена и пошла к директору.

После этого случая мы уже не только на Елену не могли смотреть без улыбки – мы смеялись при виде друг друга. Сидя на планёрке, отводили глаза, чтобы не нарваться на неприятности от директора. Зато Серёгу после того дня действительно отпустило, он начал абсолютно спокойно относиться к предмету своего обожания, а вскоре окрасавица стала для него такой же женщиной из аппарата управления шахты, как и остальные.

Лена, конечно, не поверила про анекдот и пыталась потом у меня выяснить причину нашего дурацкого смеха. Но разве я мог ей это рассказать?

Запах мачо

1

Валентина, по старой шахтёрской традиции, собирала мужа на работу: встала на полчаса раньше него, разогрела завтрак, накрыла на стол и только после этого разбудила мужа. Она берегла каждую минуту сна супруга, потому что уважала и любила его и хорошо знала, как нелёгок шахтёрский труд. Муж быстро умылся, сел за стол и принялся за завтрак. Ему нравилось есть, смотреть при этом в окно и разговаривать с женой. Разговоры были самые обычные, какие бывают в нормальных семьях, то есть ни о чём особенном, но без которых это была бы уже не семья.

– Сашку на выходные к бабушке отведёшь? – спросил он жену.

– Да, пусть побудет пару дней у стариков, – ответила Валентина.

– Может, сходим куда в воскресенье?

– Давай сходим, – соглашается жена. – Я бы в кино пошла – сто лет уже не были.

– А что там идёт?

– Да какая разница? После кино в кафешке можно посидеть. Тоже уже забыли, когда были последний раз.

– Хорошо, – соглашается муж и тут замечает в окно знакомую мужскую фигуру, вышедшую из их подъезда. – О, а этот что тут делает?

– Кто? – жена отвлеклась от приготовления тормозка и тоже посмотрела в окно.

– Петька Самохин.

– А ты его откуда знаешь?

– Ещё бы мне его не знать! Он у меня в звене работает. Опять где-то у бабы ночевал. Бабник из бабников. Сейчас придёт на работу и будет хвастать своими «подвигами». К кому, интересно, он мог придти в наш подъезд? Не знаешь?

– Откуда? – сделала удивлённое выражение лица Валентина. Она тоже узнала этого человека и догадалась, чьим ночным гостем он был.

– Не иначе к твоей подруге приходил, – вслух размышлял муж, – а больше тут и не к кому. Не пойдёт же он к Спиридонихе или к Савельевне, которым по девяносто лет. Ох, и мерзость твоя Лариска! Муж в ночную смену, а она к себе ухара (слово было покрепче) привела. Вот бабы...

– Ты, Витя, только не обобщай, – оборвала мужа Валентина. – К тому же ещё неизвестно, к кому он явился.

С Ларисой они были одноклассниками, дружили с самого первого класса, часто делились секретами, но о Петьке Самохине Лариса ничего не рассказывала. Однако Валя хорошо знала этого сердцееда, который ухлёстывал за ней ещё в де-

сятом классе и которого она отшила, узнав, что она у него не единственная. И помнила его пошлое оправдание: «Ты же не даёшь, а я здоровый мужик, мне необходима разрядка». После этого он ей стал даже противен, хотя многие девчонки сходили по нему с ума. Он был красивым, модным, имел хорошо подвешенный язык и не скупился на комплименты, что было редкостью среди мужчин провинциального городка. А женщины, как известно, любят в первую очередь ушами.

– Ну что ты, Валюша, – стал оправдываться муж. – Ты у меня не такая. Была бы ты, как твоя Лариска, – убил бы сразу.

– Так бы и убил? – улыбнулась жена, шутливо шлёпнув мужа полотенцем, которым протирала вымытые тарелки.

– А то! – поддержал шутливый тон супруги Виктор, а потом уже серьёзно продолжил: – Вот чего ей ещё надо? Муж – работяга, на хорошем счету у начальства и в авторитете у рабочих, слышал, собираются его замом начальника участка поставить, к тому же не пьёт, не курит, пылинки с неё сдувает. Ну не дура ли?

– Конечно, дура, – соглашается Валентина, – но ты опоздаешь на автобус.

– Да, да, пора уже, – заторопился мужчина, посмотрев на часы. – Как не люблю я эту первую смену, но ничего не поделаешь.

У дверей он чмокнул жену и побежал на рабочий автобус,

в котором уже сидел ночной посетитель.

В шахте, прежде чем приступить к работе, по неписаным правилам шахтёру полагалось съесть тормозок, а поскольку шахта не газовая, то ещё и перекурить. Хотя за такое грубое нарушение по правилам могли не только уволить, но и привлечь к уголовной ответственности.

Каждый, выбрав место поудобнее и развернув тормозок, состоящий из нехитрой снеди – хлеба, сала или колбасы, лука, огурца, пары конфет или печенья, – не спеша всё это поглощал, запивая чаем из фляги. Только ловелас Самоха, как его звали в бригаде, сидел в стороне и курил сигарету.

– Петруха, ты что, опять без тормозка? Иди к нам, поешь, – позвал его Славик, машинист комбайна, добродушный и весёлый парень.

– Не-е, не хочу я, – отказался Петруха.

– Его опять какая-нибудь баба на гуляках накормила, – сделал кто-то предположение.

Потрепаться во время принятия пищи – любимое занятие шахтёра. Тут уж можно смело развесить уши и услышать такое, о чём в книжках вряд ли прочтешь. Самоха славился умением весело рассказывать о своих любовных похождениях, а кто же не любит посмеяться, особенно в рабочее время. А так как его уже зацепили, он не заставил себя упрашивать.

– Да, сегодня бабёнка попалась что надо, – похвастался он. – Ненасытная, гоняла меня всю ночь. Пару часов только

и поспал. Но что она вытворяла... А фигура – обалдеть. Говорит: «Возьми меня сзади». И приняла такую позу – французенка! Талия – во, а бёдра – во! – Он показал руками, какими были у любовницы талия и бёдра. – Будто токарь точил, до чего же всё идеально.

– Можно подумать, ты и французенок трахал, – усомнился кто-то.

– Французенок у меня не было, зато китаянка была. Но это неважно, в кино-то я видел французенок. «Анжелику и короля» смотрели? Вот моя на Анжелику эту похожа.

– Чего же не женишься на ней? – поинтересовался наивный и добродушный Славик.

– Ну, так замужем она. Мужик в ночь ушёл. Не мог я упустить такого случая.

Всё это время Виктор молча слушал, но тут не выдержал и рявкнул:

– Может, ты заткнёшься, пока я не запустил клеваком!

Все затихли, посмотрев на звеньевого. Никто не сомневался, что Виктор мог осуществить свою угрозу.

– Ладно, умолкаю, – миролюбиво сказал Петруха. – Злой что-то сегодня звеньевой. Молчу, молчу.

– Хватит трепаться, закругляйтесь, по-быстрому перекурили – и по паям. – Виктор скомкал недоеденный тормозок, бросил его в пустоту, где снесь тут же подхватили смелые крысы, и первым полез в лаву.

В конце смены Петруха осмелился подойти к Виктору:

– Звеньевой, что ты такой злой на меня? Или сам молодым не был, или сам без греха?

– Я и сейчас нестарый, да, и сам не без греха, но замужних баб не трогаю. Тем более – жён своих товарищей.

– А-а, ты знаешь, где я был, – догадался Самоха.

– Видел, как ты утром выпорхнул из моего подъезда.

– Поверь, Витя, она сама ко мне приставала, говорила, что с мужем уже давно у неё ничего нет, что от него борщом воняет.

– Ты только о себе и думаешь, куда бы свой конец макнуть. А ты иногда и о мужиках подумай, прежде чем с их жёнами связываться. Жениться тебе надо, тогда быстрее до тебя дойдет, о чём это я сейчас. В общем, так: увижу ещё раз возле моего дома – ноги переломаю, ты меня знаешь.

– Да знаю, – вздохнул Петруха, – но на мой век и других баб хватит.

Жена Виктора после ухода мужа переделала домашние дела, отвела в детский сад сына, вернулась домой, села и задумалась, как ей поступить с подругой. Открывать глаза её мужу на «шалости» жены она, конечно же, не собиралась, но и оставлять этого просто так не могла. Решила поговорить с Ларисой по душам.

Поднялась на два этажа выше, позвонила в квартиру №9. Долго никто не открывал, затем за дверью послышался недовольный сонный голос:

– Что, опять ключи забыл, растяпа?

– Это не твой «растяпа», а я. Открывай, соня!

Щёлкнул замок, в проёме двери появилась заспанная и сильно помятая физиономия женщины, образ которой был очень далёк от образа Анжелики.

– А-а, ты, – узнала она подругу, – чё припёрлась в такую рань?

– Какая рань? Скоро девять уже, проснись.

– Ладно, заходи уже, коль пришла. Вино будешь? Проходи на кухню, а я хоть лицо сполосну. Можешь налить себе, там осталось ещё немного. Вино хорошее, португальское. Вчера угостили.

– И я даже знаю, кто.

– Да-а-а, даже так? – удивилась Лариса.

– Даже так, – подтвердила подруга.

– Теперь понятно, зачем припёрлась. Воспитывать будем?

– Иди, умойся сначала, лахудра, – Валя подтолкнула Ларису в ванную комнату. Сама прошла в кухню и, окинув взглядом неприбранный после вчерашнего свидания стол, воскликнула: – Неужели не боишься, даже не прибрала за собой? А как муж придёт, что ему врать будешь?

Из ванной высунулась всклокоченная голова с полным ртом зубной пасты и произнесла:

– Скажу, что с тобой маленький девичник вчера устроили.

Он проверять никогда не пойдёт.

– Ох и страхолюдина, – вздохнула Валентина, глядя на подругу, – за что только мужики на тебя вешаются?

– А за это за самое, – прыснула от смеха Лариса, разбрызгивая изо рта пену.

Через десять минут она появилась на кухне. Преображение было потрясающим. Это была уже настоящая Анжелика, сошедшая с большого экрана. Валентина не удержалась от восхищения:

– Как это тебе только удаётся так быстро перевоплощаться? Вот змеюка! Ну вот только что была заспанная, страшная, как моя жизнь, а сейчас – как огурчик!

– Ближе к телу, подруга. Наливай!

Когда выпили по бокалу действительно прекрасного вина, закусывая его дорогими шоколадными конфетами, Лариса снисходительным тоном проговорила:

– Ладно, наливай ещё по одной и воспитывай. Я вся во внимании.

– Ты не ёрничай, я серьёзно пришла с тобой поговорить. – Валентина хотела дать понять подруге, что она пришла к ней не шутки шутить.

– Так говори.

– Мы сегодня с Виктором видели, как от тебя выпорхнул Петька Самохин.

– Ну и что?

– А то ты не знаешь что. Он бабник и трепло. Вся шахта скоро будет знать о ваших отношениях.

– Тю, та пусть знают. Всё равно рано или поздно я со своим Колькой разойдусь.

– Ты что, совсем ненормальная? – возмутилась Валя. – Где ты такого мужика найдёшь? Разве можно его с Самохой сравнить? Ты же за ним как за каменной стеной: вся в золоте и мехах, ни дня не работала, после замужества он с тебя пылинки сдувает, дышать на тебя боится... С жиру ты бесишься, Лорка!

Тут глаза у Ларисы вспыхнули, и она уязвила подругу:

– С жиру, говоришь? Да у меня жиру меньше твоего будет, – она хлопнула себя по плоскому животу, намекая на пышные формы Валентины.

– Да не о том жире я говорю. Ты сначала роди, а потом будешь себя по животу хлопать. От безделья всё у тебя. Не смей мужика обижать, который для тебя всё.

– Да какой он мужик! Я действительно мужика хочу, чтобы от него борщом не воняло, как от моего. Ну разве это мужик, придёт с работы и давай возле меня крутиться: Ларочка то, Ларочка сё, что Ларочке приготовить, что моя киса грустная, не мочи ручки, я сам помою посуду, и так далее. А в постели как начнёт сюсюкаться: я тебя не придавил, тебе, рыбка, не больно, тебе хорошо, моя киса... Тошнит меня уже от него. Понимаешь, тош-нит!

– Зато от Самохи не тошнит!

– Представь себе, нет! А ты, случайно, не ревнуешь? Я же помню, как вы в десятом встречались. Не дают покоя воспоминания?

– Было бы что хорошее вспомнить. Он уже тогда был бабником, за что и нагнала его.

– Хочешь сказать, что между вами ничего не было?

– Мне что, побожиться, что ли? Витька у меня первый и единственный.

– Ну и дура, потому что сравнить тебе не с чем. Петя меня как прижал, – все косточки захрустели. И не задавал тупых вопросов: больно – не больно, плохо – хорошо... А как он целуется!.. Ну, это ты, пожалуй, с ним проходила. Он пришёл, как настоящий джентльмен, принёс цветы, вино, конфеты. Одет чисто, модно, выбрит гладко, пахнет дорогим мужским парфюмом. Я даже знаю, как этот крем после бритья называется: «Мачо». Вот Петя – это мачо, особенно в постели.

– Ну, купи своему мужу этот крем.

– А-а-а, – махнула рукой Лариса, – моего сколько ни мажь дорогим кремом, от него всё равно борщом вонять будет. А Петю чем ни намажь – будет мачо. Глаза закрываю и балдею от воспоминаний. Вот это был праздник души и тела!

В этот момент послышался щелчок дверного замка; муж вернулся с работы.

– Лёгко на помине, – пробурчала Лариса, допивая вино.

– Привет, девчонки! – поздоровался, входя на кухню, красивый, высокий и стройный мужчина. – Гуляем?

«Что ей ещё надо?» – подумала Валентина, глядя на этого добродушного красавца. Но вслух сказала:

– Здравствуй, Коля. Ты с работы, садись, поешь. Лариса, корми мужа. Пойду я.

– Не к спеху. Посидите, пообщайтесь ещё, у меня одно дело на балконе – вчера не успел закончить, так я сейчас поработаю немного.

Валентине стало очень жаль мужчину. Она понимала, что это он говорит из деликатности, боится чем-то огорчить жену.

– Да как же ты после ночной смены? Тебе нужно поесть и ложиться спать, – сказала она.

– Целый день впереди, успею ещё, – он просто светился добродушием и хорошим настроением.

– Да пусть идёт, – равнодушно сказала Лариса, – а мы ещё посплетничаем. Иди, иди, Коля, занимайся своими полками. Только потом прибери за собой.

– Обязательно, солнце моё, – пропел муж и вышел.

– Убедилась? – спросила Лариса через минуту. – Разве это мужик?

– А зачем же ты за него замуж пошла? – понижая голос до шёпота, поинтересовалась Валентина.

– Все галдели: какой парень, какой парень, не пьёт, не курит и тебя любит, перспективный, институт закончил, со своей квартирой – дали как молодому специалисту. Но главное даже не это. Помнишь Светку Федулову из параллельного класса?

– Ну?

– Эта Светка просто убивалась за Колькой, а он на меня глаз положил. А я не забыла, как эта самая Светка в восьмом классе отбила у меня Витальку Гончарова. Ты бы видела её рожу, когда мы свадьбу гуляли. Только из-за одного этого стоило выходить замуж за человека, которого не любишь. Конечно, он мне нравился. И было приятно, что девочки шеи сворачивали, глядя нам вслед. Да и разве могла я тогда предположить, что он окажется такой размазнёй! А последнее время стал приставать насчёт ребёночка. Вот я и задумалась: а нужно ли мне это?

– Какая же ты все-таки чокнутая, Ларка, – горько, с жалостью в голосе сказала Валентина. – Без толку тебе что-либо доказывать. Не головой ты думаешь, а совсем другим, ты знаешь каким, местом. Пойду я. Не будь стервой, покорми мужа.

На прощание она добавила:

– Помяни моё слово, подруга, уведёт какая-нибудь умная баба у тебя Колю, а ты одна на бобах останешься.

– Можешь не сомневаться, не останусь. С таким товаром – и пропадать в девках? – Она сделала движение руками, повторяя изгибы стройного тела.

Через несколько месяцев, уже под Новый год, Николай вынужден был уйти жить в общежитие шахты. С собой он взял только личные вещи и документы. Даже постельное бельё выдала со вздохом сочувствия комендант, немолодая, очень добрая женщина.

А у Ларисы начались весёлые дни. Первым делом она пригласила своего мачо праздновать Новый год у неё дома. Чувство свободы и ожидание чего-то прекрасного, незабываемого, сильного заполнили всё её существо. Она даже с удовольствием произвела уборку в квартире и нарядила искусственную ёлку. Сама удивлялась себе: с чего бы это? И вот долгожданный звонок в дверь...

Мачо стоял с бутылкой шампанского в одной руке – вместо цветов, в другой сжимал увесистый пакет с продовольственными деликатесами из супермаркета. От него так же исходил упоительный мужской аромат, он был так же красив и так же сиял обаятельной улыбкой. Лариса с визгом бросилась ему на шею, покрывая поцелуями всё, что не прикрывала зимняя одежда. Петруха даже растерялся от такой буйной встречи, замер на мгновение, а потом вместе с шампанским и пакетом занёс в квартиру повисшую на нём женщину.

Время бежало быстро и весело. Вот уже часы дают последний отсчёт уходящему году, двенадцатью ударами призывая

загадывать желание.

– Успел загадать, милый? – спросила Лариса после того как выпили по фужеру шампанского.

– У меня одно желание: чтобы твой благоверный не одумался и не пришёл поздравлять тебя с Новым годом. Не хочу, что бы нам испортили такой чудесный вечер.

– Можешь не беспокоиться, не придёт. А вот моё желание заключается в том, чтобы ты остался со мной навсегда. Ты рад?

Петруху даже в жар бросило от этих слов.

– Пойду покурю, – вместо ответа произнёс он.

– Кури здесь. Я не поняла, ты рад? – Нотки тревоги выдавали её волнение.

– Даже не знаю, как тебе сказать, – растерялся мачо. – Всё так неожиданно.

– Говори как есть. Чем тебя не устраивает моё предложение? Может быть, я тебя не устраиваю? Так и скажи!

Пётр долго мычал, бормотал что-то несвязное. В таком ступоре ему приходилось быть впервые, такого идиотского положения он не испытывал за всю свою жизнь, а ведь он бывал, и не раз, в щепетильных ситуациях, в которые неизбежно попадают ловеласы.

– Что ты мычишь? – уже откровенно злилась женщина, почувствовав приближение краха своих надежд. – Я ради тебя прогнала мужа из его собственной квартиры, испортила ему жизнь, а ты тут мычишь?! Скажи что-нибудь нормаль-

НЫМ ЯЗЫКОМ.

– Хорошо, – вдруг взял себя в руки Петруха, – я скажу. Ты, Лара, баба классная. У меня таких женщин не было и, скорее всего, больше не будет. Не знаю второй такой красавицы в городе, как ты. Любой позавидует тому, с кем ты будешь. Но я не хочу уходить на работу и думать в забое о том, что ты там, дома, с кем-то трахаешься.

Звонкая пощёчина окрасила левую щёку несостоявшегося претендента на руку и сердце в розовый цвет.

– Ну, вот и поговорили, – вставая, сказал Пётр. – Предельно ясно поговорили. Только предупреждаю: правую щёку не подставляю – дам сдачи. Я тебе не твой Коля.

Уже выходя, произнёс не без иронии:

– С Новым годом, дорогая, все было очень вкусно.

В закрывшуюся за мачо дверь полетел хрустальный бокал. Она впервые в глубине души пожалела о том, что прогнала мужа.

Однако вольная жизнь быстро закружила в водовороте удовольствий голову ветреной женщины. Она недолго страдала от этого фиаско, найдя замену незадачливому Петру, и даже не одну, благо привлекательная внешность манила мужиков как мух на мёд или... Ну, это кому что нравится. Через год она даже вышла замуж. Была горда собой и мужем, везде и всем пыталась продемонстрировать, как она счастлива. А вот с Валентиной они постепенно отдалились друг от друга, перестали заглядывать в гости, при встрече об-

менивались редкими дежурными фразами. Ещё больше они отделились после того, как Валентина заметила у Ларисы синяк и пошутила неудачно: «Попробовала мачо не только на предмет запаха?». Бывшая одноклассница фыркнула: «Ты мне просто завидуешь». После этого случая Лариса некоторое время даже не здоровалась. А ещё через год она жила уже совсем одна. Соседи перестали замечать ночных визитёров. Женщина сильно изменилась внешне. Пропал лоск, появилась сутулость.

И вот однажды, когда их дружеским отношениям, казалось, пришёл полный крах, Лариса ворвалась к Вале и разрыдалась у неё на плече. Рыдала долго, не могла остановиться. Валентина не мешала ей, давая возможность вволю наплакаться, и ждала, когда та сможет говорить.

– Представляешь, – продолжая всхлипывать, начала Лариса, – я только что своего встретила.

– Какого своего? У тебя их столько было, своих, – которого из них?

– Да Кольку же-е-е! – разразилась новым потоком слёз женщина.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем она успокоилась.

– Представляешь, иду сегодня по Ильича, а навстречу Колька катит детскую коляску. И знаешь, кто с ним рядом?

– Кто? – спросила Валя, хотя уже догадалась, о ком речь.

– Мымра эта, Светка Федулова. Идут под ручку, улыба-

ются. Даже поздоровались со мной. Но ты бы видела, как эта змеюка на меня посмотрела, только что не зашипела, а в глазах торжество. И улыбочка ехидная.

– А помнишь, я тебе говорила, что уведёт умная баба твоего Николая?

– Валюха, не сыпь мне соль на раны, сама знаю, что дура. Только разве теперь вернёшь потерянное?

– Теперь не возвращать нужно, а думать, как жить дальше.

Они ещё долго говорили, и с этим долгим разговором, казалось, к ним возвращается дружба, а с ней и надежда на то, что всё в жизни со временем наладится.

Урок женской нежности

– Привет, подруга, – влетая в кабинет, поздоровалась Светка. – А почему в очках? Опять фингал? Ну-ка,ними очки. Всё равно выглядишь в них как дура – в помещении, да к тому же зимой.

Подруга покорным движением сняла очки и с тоской посмотрела на Светку.

– У-у-у, да тут фингал на оба глаза. Лучше надень обратно. Бодягу пробовала?

– Не до бодяги было. Тут бы пятый угол найти, чтобы не достал, сволочь.

– Опять твой нажрался, а ты полезла его воспитывать?

– А что же, я должна любоваться его пьяной рожей?

– Дура ты, дура, Машка. Сколько раз тебе говорила: не трогай пьяного мужика! Ну что ты пьяному можешь доказать? Сама же подводишь к скандалу.

– Я подвожу? – возмутилась Мария, – Да если хочешь знать...

В это время вошли Лена и Галина Петровна, коллеги. Это значило, что рабочий день в плановом отделе шахты №54 начался. Поздоровавшись, Галина Петровна заняла своё законное место начальника и сразу поинтересовалась:

– Девки, почему чай до сих пор не поставили? – И без паузы и тени удивления, даже не повернув головы в сторо-

ну Марии, продолжила: – Опять твой благоверный руки распускал? – Это был даже не вопрос, а констатация свершившегося факта.

– А ты, Петровна, не злорадствуй, – попыталась возмутиться вместо подруги Светлана.

– Да разве я злорадствую?

– А то что же? Где твоё сочувствие? Она, между прочим, твоя подчинённая, не первый год вместе. Можно же как-то по-человечески, а то: «Опять твой благоверный руки распускал?». – Она так смешно передразнила начальницу, что все заулыбались.

– Поставь лучше чайник, горе луковое, – миролюбиво сказала Галина Петровна. – А по-человечески я понять не могу, как такая красивая, вполне самостоятельная женщина терпит этого уroda. Ну посудите сами: детей нет, молодая, квартира своя – родители кооператив подарили, никакой тебе зависимости. Он пришёл на всё готовое и ещё руки распускает. Да гони ты его в шею!

– Я пробовала, – безнадёжно отозвалась Маша, – только хуже стало. Грозился изуродовать или вообще убить. Вам, Галина Петровна, легко говорить, вас муж никогда не бил, и непьющий он. Таких мужей поискать.

– Много ты знаешь. За двадцать два года совместной жизни чего только не случилось. Такой же дурой была когда-то. Слава Богу, кума научила. Вот ты, когда муж пьяный домой приходит, возмущаешься, на повышенный тон переходишь.

Так? Так, конечно. Глупо!

– Вот и я ей говорила, что дура, – не удержалась Светка.

– Ты лучше чай разлей, скоро вода совсем выкипит. Так, пьём чай – и за работу.

– Петровна, – наливая чай, заговорила шустрая Светка, – ты там что-то насчёт своей кумы сказала. Раз уж начала, так давай договаривай. А то, как всегда, заинтригует – и в кусты. Колись, чему тебя кума научила, может, и нам полезно будет знать.

– Ага, щас! Так я вам и рассказала.

– Ну мама Галя, – взмолилась самая младшая сотрудница, Лена, которую за её огромные серые глаза конторские мужики звали не иначе как Елена Прекрасная, – нам, может быть, это тоже в жизни пригодится. Вы такая опытная, такая умная...

– Молчи уж, подхалимка.

Тут все начали уговаривать Галину Петровну поделиться опытом, и она сдалась.

– Ладно, расскажу, но чтобы из кабинета не вышло ни звука.

Все дружно принялись клясться, что они – могила.

– Ой, знаю я вас! Растреплете по всей конторе. Да бог с вами. – Она неторопливо отпила чай из своей любимой чашки, развернула шоколадную конфету, откусила, снова пригубила чай.

– Да не томи, Петровна, – не выдержала Светка. Только

она обращалась к начальнице на «ты», хотя и по отчеству, потому что работали они вместе более десяти лет и разница в возрасте между ними была не такая уж большая.

– Вечно ты, Света, торопишься. Вот и я по молодости была нетерпеливой и поднимала скандал, когда мой Слава приходил под градусом. Заканчивалось всегда плохо, бывало, даже тумачков получала, правда, не таких, как Машка, но всё же. И вот кума меня научила. Ты, говорит, когда придёт добряче пьяным, не скандаль, не ори, а прояви чудеса ласки, нежности и доброты. Встреть с улыбкой, ласковое слово скажи, что он самый лучший, за стол посади, накорми, но самое главное – налей добавочки ему, да наливай столько, чтобы с копыт свалился. И при этом нужно быть нежной и обходительной. Когда отрубится, дай волю эмоциям – отдубась от всей исстрадавшейся души, только гляди, не искалечь, муж всё же. Когда протрезвеет, не признавайся, мол, сам таким побитым пришёл.

– И ты это сделала? – изумилась Светка. – И что, подействовало?

– После второго урока – как бабка пошептала. С тех пор пить не бросил, но пьяным домой ни разу не пришёл. Всегда себя контролирует.

Этот рассказ начальницы глубоко запал в израненную душу Маши, и она живо представила себе, как отводит эту самую душу, избивая своего мучителя. Даже настроение поднялось и захотелось жить. С нетерпением ждала окончания

рабочего дня. По пути домой зашла в гастроном, купила две бутылки хорошей водки, дома надёжно спрятала их и стала, как хищный зверь, ждать удобного случая, когда Акела промахнётся.

И случай вскоре подвернулся. Через несколько дней Серёга ввалился в дом совершенно пьяным.

– Ты пришёл, милый? – просияла Маша очаровательной улыбкой.

Муж даже опешил:

– Ты чего это?

– Радуюсь, что муж с работы вернулся! Сейчас кормить буду. Я столько всего наготовила. Иди мой руки, дорогой.

– А-а-а, – догадался обескураженный любезностью жены Серёга, – моя воспитательная работа подействовала. Вот что значит кулак забойщика!

Он сжал ладонь в кулак, синий от угольных меток, и поднёс к лицу супруги. Та нежным движением отстранила его руку и ласково произнесла:

– Иди, умойся – и за стол. Я накрываю.

Серёга хмыкнул и пошёл в ванную. Долго мыл руки, не переставая хмыкать.

Зайдя на кухню, он был поражён ещё больше, увидев на столе, кроме обилия закуски, бутылку «Русской».

– Не понял, у нас что сегодня, праздник?

– Для меня – да. Я решила начать новую жизнь без скандалов и драк. Больше я не буду кричать, ругаться, теперь всё

будет по-другому.

– А я разве против? Наливай, Маха! Я только «за». Когда ты – человек, то и я по-людски к тебе. Да грузи по полной, тоже мне посуду нашла, что, в доме уже стаканов нет?

– Я думала, праздничный ужин всё же...

– Думала она... Да ладно, не суетись, сойдут и рюмки. Себе тоже наливай, я же не алкаш – пить в одиночку. Ну, давай, за новую жизнь!

После первого тоста ужин пошёл как по маслу. Жена щедро наливала мужу одну рюмку за другой, тот пил много, закусывал мало, и водка постепенно делала своё дело. В ходе этой попойки у Серёги часто менялось настроение, переходя от нежности к агрессии, потом принимало слезливый характер, потом снова агрессия вырывалась наружу, и тогда он угрожал «пролетарским кулаком провести воспитательную работу». Жена ласковыми словами успокаивала его, и он обмякал, становился податливым, как пластилин. В конце концов, на половине второй бутылки Серёга отключился. Попытка доползти до дивана была безуспешной.

– Вот теперь, солнышко, ты мой, – выдохнула Маша, почувствовав сильную усталость после застолья, как после тяжёлой физической работы.

Она ещё колебалась. «Может, не надо?» – говорил внутренний голос. Но, посмотрев на свое отражение в зеркале, на свои синие круги под глазами, женщина вскипела

и со всей силы пнула в бок бесчувственное тело. Ойкнув от резкой боли в стопе, она чуть было не расплакалась.

– Да что же это такое, бью его, а больно мне. Ему, кабану, хоть бы что. Ну ладно!

С этими словами она вышла в прихожую, натянула зимние сапоги, вернулась с торжествующим видом и, произнеся «теперь ты у меня попляшешь», принялась испытывать на прочность рёбра своего благоверного. Досталось и физиономии. Когда левый глаз затёк, а губы разбухли, жена посчитала, что довольно. Она контролировала себя, помня совет «не калечить». Отойдя на пару шагов, полюбовалась своей работой и осталась довольна.

Дальше нужно было подумать, что делать на следующий день – в выходной. Поразмыслив, она решила: будь что будет, но держаться нужно до конца.

В понедельник на работе Маша поделилась новостями с коллегами, расписав им в подробностях весь процесс.

– А он поверил, что это не ты его отделала? – не унималась Светка.

– Не поверил, но я стояла на своём: сам таким побитым пришёл.

– И что же теперь будет? – спросила перепуганная Ленка. – Раз не поверил, может и прибить вообще.

– Пусть попробует! Я теперь не боюсь. Страх совсем потеряла. Никогда больше бить себя никому не позволю.

– Ну, ты даёшь, Машка. Уважаю! – Светка даже причмокнула.

нула языком. – А всё же, дальше-то что?

– Ой, не знаю, девки... Наверное, я переборщила. В воскресенье он собрал чемодан и ушёл к маме. Сказал, что будет разводиться, что не хочет, чтобы я его в следующий раз убила совсем.

Она помолчала, а потом добавила, мысленно заново переживая торжество победы над мужем:

– А всё-таки какое это наслаждение – месть. Это гораздо приятнее, чем секс. Девоньки, это душевный оргазм. Такого наслаждения я никогда раньше не испытывала. Спасибо вам, Галина Петровна, за науку.

– Будет трудно – обращайся, – улыбнулась начальник планового отдела.

Ее коллеги не сдержали обещания «быть могилой», и вскоре эта история стала достоянием всего аппарата управления. А я так вовсе и не клялся молчать, поэтому с вами охотно ею поделился.

Море, водка и гантели

Свой первый в жизни летний отпуск я решил провести на море. Тем более что мои желания и возможности совпали с желаниями и возможностями моего хорошего приятеля и коллеги по работе, Лёхи Гончара. Согласно графику отпусков, мы оба получили право на заслуженные 27 дней отдыха с 15 июля 1981 года.

Для ясности уточню, что после армии я вернулся на шахту в качестве горнорабочего очистного забоя, и Лёха был моим постоянным напарником в нише и соседом по паю в строгой лаве. Всю инициативу по подготовке к поездке мой приятель взял на себя. Когда я зашёл к нему домой, он продемонстрировал мне свой багаж.

– Вот смотри, – тоном бывалого путешественника пояснял он, – это маска и трубка. На море без них нет смысла ехать – не увидишь и не оценишь красот морских глубин. Ласты. Как же без ласт? А это подводное ружьё. Выпробовал у Кольки Баранова. Будем по очереди охотиться. Ну, это неинтересно – штаны, рубашки, плавки. А вот это вещь абсолютно необходимая – презики.

– Зачем тебе так много? – удивился я, глядя на внушительный пакет с противозачаточными средствами.

– Деревня! Сразу видно, что первый раз на море едешь без родителей. Ну, ничего, я введу тебя во взрослую жизнь.

Надо заметить, что с Лёхой мы одногодки, нам по двадцать четыре, мы холосты и не обременены никакими обязательствами ни перед кем. Но если верить его словам, то он давно и неоднократно проходил Крым и рым и всегда возвращался победителем.

– А это, – продолжал приятель, – аптечка. Мамка собрала. Тут кремы всякие и таблетки от расстройства кишечника. И не улыбайся! Я один раз попил местной водички – и отдых с пляжа стремительно перешёл в уборную. «Прощай, любовь» называется такая ситуация. Ну, ты понимаешь. Ещё я подумал о запасе спиртного. Много брать водки на море, где её продают на каждом углу, – глупо, а мало – опрометчиво. В дороге-то пить что-то надо. С учётом того, что в этом деле ты мне не помощник, я решил ограничиться одним бутылем хорошей самогонки. Я его завернул в курточку для надёжности, чтобы, не дай бог, не разбить. Тормозок я приготовил и положил в холодильник. Его возьмём завтра перед самым отъездом. Ты много не набирай, чтобы не выбрасывать продукты. Мамка мне наложила закуски на целую бригаду. И, наконец, главное. Смотри!

Тут он с особенной гордостью достал из-под кровати гантели и произнёс не без пафоса:

– Братуха с рудоремонтного притарабанил. Их обязали выпускать продукцию для ширпотреба. Они теперь, помимо шахтных болванок, точат вот такие замечательные наборные гантельки. Ну как, нравится?

– Вещь действительно стоящая, – согласился я, разглядывая красивый спортивный снаряд, а потом неуверенно добавил: – Но мы вообще-то отдыхать едем.

– А здоровый образ жизни?! – возмутился Лёха. – Не ты ли его всё время пропагандируешь в звене? Не пьёшь, не куришь, в соревнованиях за шахту участвуешь. Я, может, подкачаться хочу. Не всё же время водку жрать!

– Ладно, ладно, убедил, – пошёл я на попятную, – чёрт с тобой, бери.

– Я знал, что ты настоящий друг! – обрадовался приятель. – Поэтому одну повезёшь ты, другую – я. И это справедливо. По утрам будем обязательно делать пробежку по берегу, потом потаскаем гантельки, затем душ, завтрак и далее по распорядку – пляж, девочки, дискотека и тому подобное.

Не стал я спорить с Лёхой, ибо знал – уговорит.

Итак, мы в Дебальцево ждём поезд на Симферополь. Когда подкатил наш тринадцатый вагон, мы показали проводнице билеты и пошли занимать свои места. И вот тут-то начались наши приключения. При укладке багажа под сидение Лёха неосторожным движением цокнул гантелей по бутылю, и салон вагона быстро заполнился ядрёным сивушным ароматом.

– Видать, плохо замотал, – со стоном констатировал мой приятель, резко меняясь в лице.

Едва поезд тронулся, пришла проводница и строго поинтересовалась:

– Что тут происходит, граждане пассажиры?

– Беда у молодого человека приключилась, – пояснил пожилой сосед по купе, которого мы только сейчас заметили. – Ты уж не сердчай, дочка, бывает.

– Я не поняла! – требовала подробных объяснений молоденькая проводница. – Что случилось? Откуда этот запах?

– Ты когда-нибудь водкой полы мыла? – грустно поинтересовался приятель.

– Нет, и не собираюсь! – отрезала девушка.

– А придётся, – тяжело вздохнул Лёха.

Проводница резко развернулась и ушла. Вернулась через несколько секунд с тряпкой и ведром.

– Не наведёте порядок – высажу на первой станции, – процедила она сквозь зубы.

Мы поняли, что с юмором у этой жгучей брюнетки дела плохи, и принялись наводить порядок. Настроение было испорчено. Особенно у моего приятеля. Он после окончания уборки молча сидел, уставившись в окно, и я не знал, чем его можно было утешить. А вот пожилой сосед, с блестящей лысиной и внушительных размеров брюшком, напоминающий всем своим видом доброго и весёлого божка, то ли Бахуса, то ли ещё кого-то, знал.

– Да вы не расстраивайтесь, юноша, – ласково, по-отечески сказал он, – у меня есть пара бутылок «Московской». А не хватит, так можно у той же проводницы докупить. На худой конец, сходим в вагон-ресторан.

И мой товарищ оживился. А после второго тоста мы уже знали, что Бахуса зовут Степан Иванович, что его жена сейчас в соседнем вагоне болтает с кумовьями, с которыми они вместе едут к их общему куму в Евпаторию, что не получилось у них взять билеты в одно купе и что кумовья обязательно припрутся и будут уговаривать молодых людей поместиться с ними местами.

– Но вы не вздумайте согласиться, – понижая голос, произнёс Степан Иванович. – Они мне дома порядком надоели, и ещё целый месяц придётся терпеть. А я люблю молодёжь.

Когда пошла в ход вторая бутылка, хлебосольный сосед пригласил присоединиться к импровизированному банкету семейную пару с боковых полок, которая скучала за игрой в карты. Дама отказалась, а мужчина средних лет, интеллигентного вида, потому что в очках, охотно согласился, доставая из сумки съестные припасы.

Сидели мы хорошо, потом ещё лучше – пришла супруга Степана Ивановича в сопровождении кумовьёв. Те оказались компанейскими людьми, и наше застолье набирало обороты. Однако, как выяснилось, невезучесть может быть разной. На очередной станции поезд остановился, и проводница объявила, что стоянка пять минут. Интеллигент решил сделать жест благодарности за оказанное гостеприимство:

– О! Тут отличный рынок! Я здесь всегда покупаю арбузы. Херсонские! Маша, – обратился он к супруге, – дай червончик. Я мигом.

Маша сделала попытку возразить, но очкарик был твёрд в своём намерении, и она уступила.

Когда поезд тронулся, интеллигент не появился, и Маша запаниковала не на шутку.

– Остановите поезд! – закричала она. – Там мой муж. У него нет с собой документов, на нём только спортивные штаны и майка, у него только десять рублей денег.

На вопли сбежались другие пассажиры и оба проводника. Какой-то сердобольный юноша крикнул:

– Где стоп-кран?! Надо нажать стоп-кран!

– Я тебе нажму! – грозно рывкнула вторая, более зрелая проводница. – Я тебе так нажму, что нажималка поломаётся! Быстро разошлись все по своим местам!

Расходиться никто не подумал, но шум стих. Все с сочувствием смотрели на бедную женщину, будто она только что стала вдовой.

– Спокойно! – рыкнула грозная проводница. – Никто не умер. Придумаем что-нибудь. Не впервой. Я бы на вашем месте сделала так. Скоро будет Михайловка. Стоянка две минуты. Там возьмёте такси или договоритесь с частником, вернётесь за мужем. А потом или перекомпостируете билеты на другой поезд, или же на такси догоните наш.

Так и поступили. Бедной Маше удачи желали практически все пассажиры вагона, ободряюще махая ей в след руками. Но пьянка – дело святое, и наша компания решила продолжить под знаком сочувствия интеллигенту и его супруге.

Однако едва наполнили стаканы крепким напитком и добродушный Степан Иванович провозгласил тост «за них», даже чокнуться не успели, как вдруг в купе появился «виновник торжества», тот самый очкарик, с огромным арбузом в руках и сияющей от счастья рожей.

– Без меня пьём? – весело поинтересовался он.

У всех возникло ощущение, будто они увидели покойника, вернувшегося с того света. Немая сцена была не менее продолжительной, чем в знаменитом «Ревизоре». Как оказалось, наш сосед, покупая арбуз, встретил своего армейского друга, ехавшего в этом самом поезде и тоже решившего прикупить что-нибудь на десерт. Друг затащил его в свой седьмой вагон, чтобы познакомить с женой и детьми. Естественно, не обошлось без армейских воспоминаний. Кто служил, тот поймёт, как быстро летит время за этим занятием.

Эх, не было тогда мобильных телефонов! Незадачливый путешественник решил было уже последовать примеру супруги, но мудрый Степан Иванович остановил:

– Хватит одной глупости! Додумались вытолкать бедную женщину из вагона с вещами в какой-то дыре. Так и ты давай туда же.

– А что же мне делать? – растерянno спросил мужчина.

– А ничего! Она же знает конечную цель вашей поездки?

– Да, у нас одна путёвка на двоих в «Волну» в Евпатории.

– До Евпатории нам по пути. Мы не дадим тебе пропасть.

А там и жена твоя объявится. Не бойся, брат, чай не сорок

первый нынче.

На том и порешили. Дальше ехали уже не так весело, но и не то чтобы уж грустно. За долгими разговорами у кумовьёв Степана Ивановича отпала надобность просить нас о том, чтобы поменяться местами, и мы без приключений доехали до Симферополя.

К слову, супруга интеллигента догнала нас на станции Джанкой – посодействовали наши славные железнодорожники.

Но в самой столице Крыма избежать неприятностей не удалось. Решили мы на привокзальном рынке купить персиков. Дешевле и разнообразнее фруктового рынка на всём полуострове не найти. По крайней мере, мне не попадался такой. Но стоило мне отвлечься на минуту, заслушавшись рекламой товара бойкого гражданина кавказской наружности, как моего приятеля взяла под свою опеку молодая красивая цыганка с глубоким, но небольшим шрамом на лице. Правда, это «украшение» я уже после разглядел – и то благодаря продавцу.

– Это не твоего приятеля взяла в оборот Зара? – спросил он, кивая куда-то за мою спину. – Забирай его скорее, а то она его без штанов оставит.

В знак благодарности я купил у доброго человека пару килограммов замечательных персиков не торгуясь и поспешил на выручку товарищу. К этому моменту Лёха уже успел распрощиться с четвертным и готов был и дальше расставаться

с добытыми шахтёрским трудом купюрами.

– Всё, красавица, я забираю у тебя своего друга, – сказал я, беря Лёху за локоть.

Видимо, цыганка подала какой-то условный знак, и вокруг нас вырос чуть ли ни целый табор её соплеменников. Пытаясь своими чёрными глазищами просверлить мне лобную кость до мозга, Зара вкрадчиво произнесла:

– А хочешь, я и тебе погадаю, Володя? Расскажу, что было, что будет, где и когда ты встретишь свою судьбу, кто она...

Будучи человеком начитанным, я не сильно удивился её проницательности.

– После пары минут общения с моим другом, не сомневаюсь, ты знаешь обо мне всё до седьмого колена в обе стороны, – ответил я уверенно, как полагается говорить гипнотизёру, вводящему в транс беззащитную жертву. – Лучше отвали по-хорошему.

Кольцо «табора» вокруг нас после моих слов еще больше сжалось. Лёху я не узнавал. Он жалостным голосом стал меня просить:

– Вова, не мешай, пожалуйста, пусть она погадает. Она всю правду знает. Пусть гадает.

– Видишь, даже друг тебя просит – не мешай. Я погадаю ему и отпущу. А ты пока отойди в сторону, красавчик.

– А хочешь, я тебе погадаю? – спросил я как можно спокойнее. – Я знаю, что с вами будет совсем скоро, если вы

не отвалите от нас. Вон идёт наряд милиции. Позвать?

То, что произошло в следующий момент, меня поразило. Табор растворился на глазах вместе с гадалкой, будто «ушёл в небо». «Как слаженно работают!» – мысленно отметил я и поторопился увести приятеля к троллейбусам, следующим до Ялты. А ещё нужно было забрать наши неподъёмные вещи из камеры хранения. Когда мы заняли свои места в рога-том стареньком транспорте, в окно я заметил Зару. Она меня тоже увидела. Видимо, то обстоятельство, что я её раз-вёл насчёт наряда милиции, не давало ей покоя, и цыганка хоть как-то решила мне отомстить. Погрозив мне кулаком, она прошептала так отчётливо, чтобы я смог понять по гу-бам: «Не будет тебе хорошего отдыха, красавчик». Я улыб-нулся и отпустил ей воздушный поцелуй. Красавчиком меня ещё никто не называл. За это я готов был простить ей всё. Она вдруг улыбнулась в ответ, махнула рукой, как бы говоря «ладно, чёрт с тобой» и, развернувшись, красиво ушла.

Лёха от встречи с цыганкой отошёл только после купания в море. Он стал снова весёлым, бодрым и разговорчивым, каким я его всегда знал.

– Ну вот, – сделал я вывод, – теперь можно и жильё искать.

– В этом деле, как более опытному, ты должен довериться мне, – проявил инициативу приятель. А я и не возражал.

Мы нашли комнату без претензий на какие-либо удобства за шесть рублей с носа, зато в живописном уголке относи-тельно недалеко от моря и подальше от городской сутолоки.

– Нам ли, шахтёрам, привыкать к суровому быту! – плюхаясь на кровать, весело воскликнул Лёха. – Значит так, Вова, сегодня ужинаем в ближайшей кафешке и больше нигде не идём – отдыхаем. А завтра, как решили, – здоровый образ жизни со всеми вытекающими последствиями. Я всегда в шесть встаю без будильника. По мне можно часы сверять. Так что не обижайся, я знаю, что ты любишь поспать, но ровно в шесть ноль-ноль я тебя разбужу на пробежку.

Было бы сказано. На следующее утро в комфортные для меня девять часов я отправился купаться на море в гордом одиночестве. Даже когда вернулся, приятель продолжал храпеть.

– Вставай, гантели зовут к здоровому образу жизни! – ехидно крикнул я ему в самое ухо, при этом интенсивно тормоша.

Сев на край кровати и постепенно возвращаясь к действительности, Лёха прохрипел пересохшими губами:

– Чем так орать, дал бы лучше больному человеку воды.

Я покопался в сумке и нашёл полулитровую бутылку «Березовской». Осушив её одним махом, Лёха уже более бодро сказал:

– Хорошо тебе – не пьёшь, не куришь. Но не понять тебе рабочего человека!

– Вроде мы с тобой не в одном забое работаем! – обиделся я. – Да и в чём проблема? И ты брось пить и курить – и у тебя сразу двумя проблемами станет меньше.

– Думаешь, я не пытался? Думаешь, зачем я именно с тобой в отпуск поехал? Начальника уговорил мой отпуск совместить с твоим! Даже магарыч ему выкатил за это. Потому что поедь я с другой компанией, кроме водки, ничего бы не увидел. Мамка моя тебя мне в пример ставит. Говорит, чтобы я на тебя равнялся. Когда ты на заочное в институт поступил, она мне все мозги проела: «Поступай! Поступай!». А я уже и таблицу умножения забыл. Какой, на хрен, институт! Даже техникум мне не светит. Да мне и ПТУ хватит за глаза. Ты парень серьёзный, возьмиись за меня. Как брата тебя прошу.

– Вообще-то я отдыхать сюда приехал, а не воспитателем в пионерлагерь, – возразил я, но, тем не менее, Лёху в этот момент мне стало жалко, поэтому я твёрдо добавил: – Ну хорошо, если будешь меня слушать, я тобой займусь. С этого дня ты забываешь водку и сигареты. А я обеспечиваю нашу культурную программу.

– Может, не так сразу, а? – робко произнёс приятель.

– Я тебе не отец, – меня охватила злость, – мы с тобой ровесники. Чего ради я должен учить тебя жизни, спрашивается! Сам мне говорил о здоровом образе, заставил тащить на край света дурацкие гантели, а теперь только и думаешь, чтобы нажраться! Или никакой водки...

– Ладно, ладно, – поспешил согласиться Лёха, – хрен с ней, с этой водкой! А девочки?

– А девочки потом! – отрезал я несколько переиначенны-

ми словами из песни. – Где девочки, там опять будут выпивка, сигареты, бессонные ночи и под глазами мешки, набитые нашими отпускными и месячной зарплатой. Нет уж! Я отдыхать приехал. Если ты со мной, то домой мы оба вернёмся отдохнувшими, здоровыми, загорелыми, полными сил и энергии для непрерывного совершения трудовых подвигов до следующего отпуска. А нет – твоё право. Пей, гуляй, наслаждайся жизнью, только меня не вмешивай. Тогда каждый сам по себе. Идёт?

– Идет, – согласился Лёха, протягивая мозолистую пятерню.

С этого дня началась борьба с пороками моего товарища. Первую неделю мы одолели с трудом, едва не передравшись на глазах у пляжной публики, жаждущей хлеба, моря и зрелищ. Без водки мой приятель временами становился злым и невыносимым, цеплялся без причины к отдыхающим, за что один раз был на грани серьезного избиения. Я его буквально вырвал из лап разгневанной толпы, извиняясь перед оскорблёнными курортниками за приятеля и доказывая, что тот вовсе не пьян, а у него есть справка. Хотя я и не уточнял, что это за «справка», но это слово магическим образом подействовало на людей, и они сменили гнев на сочувствие. Почему-то мне.

В общем и целом, я уже после цыганки начал догадываться, что Лёха – ходячая беда, но и предположить не мог, до какой степени. К концу второй недели меня посетила мысль

о том, что отдых мой бесповоротно загублен, и я поклялся себе никогда в жизни, ни при каких обстоятельствах не проводить отпуск даже в самой дружеской компании. Но третья неделя прошла на удивление хорошо. Мы плавали в масках, охотились, даже подстрелили пару рыбёшек, играли в пляжный волейбол, бегали по утрам вдоль непривычно пустынного берега, пару раз удалось походить по горам. Вот только гантели таскать у нас желания так и не возникло.

Собираясь домой и упаковывая чемодан, Лёха с грустью посмотрел на гантели и задумчиво произнёс:

– И на кой мы тащили сюда эти железяки? Назад, убей меня, я их не повезу. Пусть остаются здесь, как память о нашем чудесном отпуске.

«Для кого чудесном, а для кого и не очень», – подумал я, но вслух произнёс:

– И не жалко бросать такую вещь?

– Если тебе жалко – забирай. Дарю! – сделал приятель широкий жест и тут же уточнил: – Только назад тащить их будешь сам. Обе!

Я мысленно прикинул: в сумме гантели весили 15 кило – больше, чем весь мой багаж, включая одежду, ракушки, камушки и прочие сувениры. Тяжеловато будет! Но жаба давила: бери!

– А что, и возьму! – бодро воскликнул я. – Не пропадать же добру.

Домой добрались без единого приключения, хотя я был

не против ещё раз встретить Зару. Эта цыганка сумела-таки влезть мне в душу. Но сколько ни бродил по рынку в ожидании отправки поезда, Зару так и не увидел.

Дома я с удовольствием раздавал родным сувениры и делился приятными впечатлениями, мудро умалчивая о неприятных. И тут отец мне говорит:

– А у меня, сынок, тоже есть для тебя подарок.

Он вышел в другую комнату и тут же вернулся, держа в руках точно такие же гантели, какие достались мне от Лёхи.

– Вот! – с гордостью пояснил батя. – Наш завод начал выпускать. Начальник цеха – мой друг, говорит: «У тебя пацаны, возьми, пусть занимаются на здоровье». Не буду же я отказываться.

– Спасибо, батя! – поблагодарил я, доставая из саквояжа такие же гантели.

Мы долго смеялись. Теперь у меня о том замечательном времени сохранились не только хорошие воспоминания, но и две пары чудесных гантелей.

Жозя

Мы родились с ним в один день. Меня принесли из роддома, а его из угольного сарая. Меня нарекли Вовкой, а ему дали более звучное имя – Жозя. Точно утверждать не могу, но подозреваю, что инициатива дать коту такое необычное прозвище принадлежала моему брату Васе. Он всегда придумывал слова, понятные только ему, но со временем они становились достоянием всей семьи.

Жозя рос быстрее меня и потому чувствовал себя моим старшим братом и покровителем. Он снисходительно позволял мне делать с собой то, за что другой мог жестоко поплатиться, особенно если он не был членом нашей семьи. Однажды к нам по каким-то делам зашёл сосед, дядя Федя. Жозя спокойно лежал на табуретке, никого не трогал. Дядя Федя хотел освободить место для себя и попытался смахнуть уже выросшего кота с привычного лежбища. Зря он это сделал: панибратство Жозя мало кому прощал. Мощным ударом лапы с выпущенными когтями он глубоко распорол руку соседа. Хорошо, что мама моя работала фельдшером и была рядом в этот момент. Обработывая и перевязывая рану возмущающемуся мужчине, она терпеливо объясняла ему, что с животными нельзя так грубо обращаться.

А мне мой шерстяной друг позволял делать всё. Я таскал его за хвост, за усы, которыми он меня щекотал, водил

его, держа за передние лапы. Но больше всего мне нравились его ушки. Я выворачивал их наружу, а Жозя крутил головой, и ушки становились на место, что вызывало у меня неопиcуемый восторг и громкий смех. Это я мог проделывать до бесконечности. А бедный Жозя терпел и не покидал меня. В конце концов, ему надоедало крутить головой, и он просто сидел с завёрнутыми ушами и тихо урчал. Меня такое спокойствие кота не устраивало, и тогда я дул ему в ухо, и всё повторялось снова, пока кто-нибудь, сжалившись над животным, не забирает его от меня.

На улице Жозя в руки чужим не давался. Но после одного случая перестал доверять и мне. В нашем дворе находилась общественная летняя кухня, представлявшая из себя навес и угольную печь с несколькими конфорками и большой духовкой. На ней постоянно кто-то что-то варил, жарил или выпекал. Однажды я гулял со своим котиком поблизости от кухни. Пышнотелая соседка по фамилии Куликова то ли от скуки, то ли из подлости характера решила над ребёнком подшутить.

– Вова, а давай из твоего кота сварим суп! – предложила она. – Ох, и супчик будет – наваристый, жирный, вкусный-превкусный!

– А как? – не понял я.

– А вон кастрюля, видишь, кипит? Бросай его прямо туда, – улыбаясь, пояснила женщина, показывая на большую кастрюлю с бурлящей водой, и подбодрила: – Давай, давай,

не бойся! Хороший будет супчик!

Я по детской наивности доверился тётеньке и под её весёлые крики «держи, держи крепче!» попытался Жозю бросить в кипяток. Но животное было умнее и меня, и этой глупой тётеньки. Вырвавшись из моих некрепких рук, сделав всё, чтобы меня при этом не поцарапать, кот отбежал на почтительное расстояние и с укором смотрел на меня, как бы спрашивая: «За что?». До сих пор помню этот взгляд. Конечно, тогда я этого не понимал: было мне всего около трёх лет. Но неужели взрослая женщина могла не соображать, чему она подвергает ребёнка и кота?

Дома у нас с Жозей всё было по-прежнему, но на улице ближе чем на метр он меня к себе не подпускал.

В конце пятидесятых в наш городок нагрянула беда: нашествие крыс. Люди делали запасы на зиму, наполняя погреба картошкой и другими овощами. Годы, надо сказать, были небогатые на продовольствие, и делить его с серыми прожорливыми хищниками никому не хотелось. Нас выручил Жозя. Открыв горизонтальную дверку погреба, которую в наших краях называют «ляда», отец оставил усатого охотника в сарае на ночь. Утром пошёл проверить результат – и ахнул. Девять огромных крыс лежали ровным рядом на полу сарая, а Жозя с гордым видом сидел возле трофеев и будто ждал момента, когда оценят его работу. Отец взял кота на руки, принёс его в дом и поделился с нами увиденным. Мы все тут же бросились смотреть на подвиг нашего четвероного-

го спасителя. Не прошло и получаса, как наш сарай стал местом паломничества соседей. Мужчины взирали на задушенных и аккуратно уложенных крыс с восторгом и любопытством, а женщины – с неподдельным страхом и даже ужасом. А на следующий день к нам заявился всё тот же сосед дядя Федя и начал издалека:

– Да, славный у вас кот. Это же надо, передушил девять крыс, вытащил из погреба, ровненько всех сложил, а есть не стал. Настоящий крысолов! Старики рассказывают, что истинные крысоловы крыс не едят потому, что тогда они больше одной штуки ловить не будут. А зачем? Поймал одну, наелся, и можно неделю на охоту не ходить. А так хоть каждый день охотиться.

– Если ты просить кота пришёл, скажу сразу: не дам, – раскусил замысел соседа отец. – Заведи себе кота, и пусть он твоих крыс ловит.

– Не любит моя Светка котов, а то бы я конечно, – тяжело вздохнул дядя Федя. – Ты бы выручил меня по дружбе. Сам ведь знаешь, как тяжело всё достаётся. Сколько картошки и буряка эти твари попортили, если бы ты только видел. Залезаю в погреб, и каждый раз сердце кровью обливается.

– Поставь крысоловки или вызови санэпидемстанцию, – предложил отец.

– Стоит крысоловка у меня, а что толку? Не попадают-ся. Видать, хитрые бестии. А санэпидемстанцию разве дождёшься, когда по всему городу такое творится? Толя, будь

другом, дай кота хотя бы на одну ночь. С меня бутылка.

– Да иди ты со своей бутылкой! – не поддавался на уговоры отец.

Сосед долго упрашивал, а потом привёл последний аргумент:

– Так нечестно, Анатолий! Твой кот мне руку серьёзно травмировал. Помнишь? Полгода заживала рана. Ты даже представить не можешь, как это больно. Мог бы твой Жозя во искупление вины немного и послужить мне. Ничего бы с ним не случилось.

Поколебавшись, отец сдался:

– Ладно, бери. Но это первый и последний раз, учти. – И сам из рук в руки передал нашего любимца соседу. – Сарай закроешь, но ляду оставь открытой. Жозя сам знает, что делать.

– Хорошо, хорошо! – обрадовался Фёдор. – Я всё понял. Завтра верну котика в целости и сохранности.

Но утром окровавленного Жозю на руках принёс отец. Тогда я и узнал значение некоторых нехороших слов. Со злостью выругавшись, он с болью в голосе сказал:

– Загубил кота, сволочь. Я же его предупредил, чтобы ляду открыл – и всё, а он, м... дак, бросил кота в погреб и запер. А там нет простора! Пока Жозя душил одну крысу, другие кидались на него – и вот что сделали с беднягой.

Глядя на истерзанное, окровавленное тело своего четвероногого друга, на его висящие лоскутами так мною люби-

мые ушки, я разрыдался.

– Ничего, Вовка, не плачь, вылечим мы нашего Жозю, – пытался успокоить меня папа. – Мама же у нас доктор. Она всех лечит. И Жозю вылечит. Не плачь, малыш.

Мама быстро принялась обрабатывать раны коту. Тот не сопротивлялся, даже не дёргался, лежал спокойно с полужакрытыми глазами и тяжело дышал.

– Не знаю, что бы за это сделала Федьке! – возмущалась она.

– Да дал я ему разок в морду, – сказал отец. – А если померёт Жозя, то добавлю.

Но Жозя выжил. Болел долго, тяжело, сильно похудел, вылинял местами до кожи. Но выжил. Во время болезни он часто тулился ко мне, видимо, ему хотелось согреться. И я боялся лишний раз пошевелиться, чтобы его не потревожить. А он долго спал у меня под боком и пел мне на ухо свои грустные кошачьи песни. Только весной мы с ним снова вместе вышли на прогулку во двор. Я заметил, что характер у моего друга сильно изменился. Он равнодушно воспринимал происходящее вокруг, никак не реагировал на разгуливающих по двору кур и ворующих у них корм воробьёв. Раньше бы Жозя спуску не дал этим маленьким наглецам, а теперь он даже не смотрел в их сторону. Единственное, что ему нравилось, – это, сидя на лавочке, щуриться на ласковое солнышко и, вытянув шею, втягивать носом свежий весенний воздух, от которого он отвык за время болезни.

В памятном 1961 году нашей многодетной семье выделили новую трёхкомнатную квартиру на другой улице. Как водится, первым впустили кота. Жозя по-хозяйски обошёл пустую квартиру, запрыгнул на подоконник и грустно уставился в окно. Всем новое, просторное, светлое жилище очень понравилось. Всем, кроме Жози. Он затосковал. Когда выпустили его погулять на улицу, он медленно пошёл мимо наших окон в сторону старого дома, который находился в каких-нибудь трёхстах метрах. Я не выдержал и стал звать его, но отец остановил меня:

– Не надо, не зови. Ему надо привыкнуть. Коты – не люди. Им хорошо там, где они выросли. Может быть, со временем и Жозе нашему здесь понравится, а пока пусть идёт себе.

Некоторое время он приходил к нам, но после того как поест, торопился обратно. Его визиты становились всё реже, а со временем вовсе прекратились. Я пытался его разыскать в старом дворе по улице Олега Кошевого, но так и не нашёл.

Это был первый четвероногий друг в моей жизни и первое, что я вообще помню. После у меня будет много кошек и собак. Их приносил мне отец, я подбирал их на улице, мне их дарили, но Жозя навсегда останется самым первым и самым любимым.

Маленькие истории маленького города

Хронический самоубийца

Жора Копейкин имел странные суицидальные наклонности. Он многократно предпринимал попытки уйти из жизни – и всё время ему кто-то мешал. Ну никак не получалось у него повеситься, перерезать себе вены, погибнуть под колёсами автомобиля или поезда. Даже отравиться не смог. Всегда кто-то находился рядом и спасал незадачливого самоубийцу.

Первой раскусила Жору его тёща.

– Да ты посмотри на него, дура! – поясняла она дочери. – Он же на публику играет. Захотел бы – давно уже избавил тебя от своего гнусного существования. Он же не мужик – баба! Любит, чтобы его жалели, уговаривали. Тьфу! Тряпка!

Вскоре к такому выводу пришли все, кто хоть сколько-то знал Жору Копейкина. От его пьяных рассуждений о бессмысленности бытия отмахивались, как от назойливых мух. Когда он подходил к столику во дворе, за которым мужики играли в домино или шахматы, и едва успевал произнести несколько слов, его тут же кто-нибудь обрывал:

– Жорик, иди, поищи свободные уши в другом месте. Дай людям отдохнуть после работы.

Копейкин грустно вздыхал, разворачивался и уходил к соседкам, обсуждающим городские новости на лавочке возле подъезда. Но и там ему никто не радовался, и посылали ку-

да-нибудь подальше. Детям, жене и тёще было сложнее избавиться от бредней главы семьи, каковым Жора никогда, по сути, не являлся, и все с нетерпением ждали, когда тот уgomонится и отправится спать.

– Вот помру, тогда поглядим, как вы тут без меня заживёте! – произносил свою излюбленную угрозу Жора, многозначительно потрясая указательным пальцем. И вновь злорадно цедил сквозь зубы: – Поглядим, поглядим.

Однажды всегда терпеливая жена не выдержала и закричала:

– Господи! Да скорее бы уже! Как же ты надоел! Прости, Господи!

– Ах так! Значит, так? Ну ладно! – взвизгнул супруг и как ужаленный выскочил из квартиры.

На этот раз его намерения были самыми серьёзными. Забравшись на крышу своей пятиэтажки, он подошёл к её краю и посмотрел вниз. Стало страшно. Но обида на жену и осознание неудавшейся безрадостной жизни, усиленные изрядной дозой алкоголя, были сильнее. Однако отказать себе в последнем желании перед смертью он не мог, поэтому закурил сигарету и с высоты птичьего полёта решил взглядом попрощаться со своим двором, где жил с самого рождения, но никогда не чувствовал себя счастливым. И вдруг Жора заметил приближающуюся к подъезду тёщу, которая возвращалась из магазина с продуктами. Решение созрело мгновенно: «Уйдём вместе, дорогая тёщечка! Надо только

взять разгон, чтобы не промахнуться и не задеть козырёк над крыльцом». Отступив на несколько шагов, Жора разбежался и прыгнул...

Копейкину не повезло. Он зацепился ногой за телевизионный кабель собственной антенны, и его тщедушное тело существенно изменило траекторию полёта. Жора рухнул на молодую, но достаточно высокую и ветвистую черёмуху. В одночасье были искалечены две жизни – черёмухи и Копейкина. Неокрепший ствол дерева обломился почти у самой земли, а Жора получил перелом позвоночника со смещением в области поясницы.

Из больницы его забирала престарелая, но ещё крепкая мама. Кроме неё, Жора оказался никому не нужен.

Как ни странно, после этого случая Жора Копейкин любил жизнь. Раскатывая на инвалидной коляске по городу, он здоровался с каждым встречным и всегда приветливо улыбался. Больше никогда от него не слышали жалоб на плохую судьбу и несправедливость Бога.

Друг мой Сашка

Я был удивлён, когда мой друг детства заявился ко мне при полном параде, с дембельским чемоданом, обклеенным гэдээровскими переводками. Служба в армии закончилась, Сашка вернулся. Но радости на его лице я не заметил. Было видно, что друг мой сильно расстроен.

- Ты давно приехал? – задал я нелепый вопрос.
- Пару часов назад, – потухшим голосом ответил друг.
- Дома был?
- Нет.
- Почему?

Лицо его исказила неприязненная гримаса, и он выдавил из себя:

- Смотреть на пьяную рожу бати и видеть, как он радуется не мне, а очередному поводу нажраться? Не хочу.
- А мать?

Саша только махнул рукой и спросил:

- Можно, я немного у тебя посижу?
- В чём проблема! – воскликнул я и потянул друга в свою комнату.

Окинув её равнодушным взглядом, он вяло отметил:

- Всё, как и прежде. Ничего не изменилось за два года.
- Как это ничего? – возмутился я. – А стереопроектор? Полгода назад купил на заработанные на практике

деньги.

– А-а, ну да, – пробурчал Сашка, открывая прозрачную крышку проигрывателя. Потом вяло поинтересовался: – Что сейчас новенького на гражданке слушаете?

Я взял из солидной стопки пластинок красочный конверт с фотографией музыкантов и не без гордости заявил:

– Вот! Достал по знакомству. Новая группа, «Синяя птица» называется. Классная вещь! Хочешь, поставлю?

– Ну поставь, – равнодушно согласился друг.

Едва певец пропел «Там, где клён шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой», я заметил на лице Сашки эмоции. К концу песни он уже рыдал.

– Поставь ещё раз, – попросил мой друг, когда песня закончилась.

И снова над речной волной зашумел клён. И снова Саша, обхватив ладонями лицо, заливался слезами. После четвёртого или пятого раза я сказал:

– Ладно, ты слушай, а я пойду, приготовлю чай. Или, может, тебе чего-нибудь покрепче?

Он только отрицательно мотнул головой, ни на мгновение не отрываясь от прослушивания песни. Я понял, что это как-то связано с его воспоминаниями о девушке, с которой он встречался до армии. Я видел её всего пару раз. Она была не из нашего района. Мне эта девушка запомнилась эффектной блондинкой на проводах моего друга, постоянно виснувшей на его шее и не стеснявшейся при всех целовать призыв-

ника взасос. А ещё всплыло в памяти, как она громко разрыдалась, когда автобус с новобранцами тронулся в путь, будто прощалась с любимым навсегда. Чтобы её как-то ободрить, наша дружная компания запела: «Не плачь, девчонка, пройдут дожди. Солдат вернётся – ты только жди!».

Я долго возился на кухне, не решаясь прервать невесёлые мысли друга. Но после десятого круга не выдержал. Выключив проигрыватель и поставив перед ним чашку с ароматным чаем, я решительно потребовал:

– Давай, дружище, рассказывай, что с тобой стряслось.

Он поднял на меня красные, распухшие глаза и, едва сдерживая рыдания, произнёс:

– Я каждый день в армии считал. Каждый день! Понимаешь? Я представлял нашу встречу... Я не к матери приехал, а к Любаше. И что? Она меня даже в дом не пустила. Вышла на крыльцо и сообщила, что замужем уже почти год.

– Как это? – удивился я. – Разве вы не переписывались?

– В том-то и дело! – выкрикнул Саша. – Я получал от неё регулярно письма. Да такие письма, что перечитывал каждое по сто раз. И каждое заканчивалось словами: «Люблю, обнимаю, целую. Твоя Любаша».

– Ничего не понимаю, – развёл я руками. – Зачем она так поступила?

– Я спросил у неё то же самое. И знаешь, что она мне ответила? Её новый парень меня пожалел и заставил писать хорошие письма, потому что в армии часто стреляются, когда

узнают, что их девчонки бросили. Вот она и решила не брать грех на душу. Вот дура!

– А ты?

– Что я? Достал из чемодана её письма, бросил ей в рожу и ушёл.

– Ну и молодец! – одобрил я поступок друга. – Плюнь на неё и пей чай.

Саша сделал несколько осторожных маленьких глотков, а потом, поставив чашку на стол, сказал:

– Самое обидное, что ко мне там привязалась дочка командира части. Хорошая девчонка. Симпатичная. Я их семье помогал обустраиваться в новом доме. Проводку полностью переделал и по мелочи всякие такие дела. Очень хорошие люди. Больше месяца у них пропадал. Понравился я и дочке, и маме, и даже полковнику. Но нет! У меня же Любаша есть! Как же, любовь! А я верный, как пёс. Ну скажи, разве не обидно?

– Обидно, – согласился я. – Но жизнь не кончается. Тебе нужно идти туда, где тебя действительно любят и ждут.

– А-а, домой, что ли? – дошло до него. – Сейчас пойду. Поставь ещё разок эту песню. Послушаю и пойду. Обещаю: соплей больше не будет.

Снова зашумел клён над речной волной, но друг мой Сашка уже не плакал...

Из жизни городских сумасшедших

Комиссар

Ни один город в мире не обходится без своего городского сумасшедшего. На моём веку в нашем городе их было несколько. Эта категория людей нередко вызывает у горожан смех, презрение, жалость, но я расскажу о тех, кого уважали.

Особое место в списке городских сумасшедших занимал человек по прозвищу Комиссар. Всегда чистый, опрятный, одетый в добротный костюм, гладко выбритый, в фетровой шляпе или в каракулевой шапке, в зависимости от погоды, с неизменной газетой «Правда» в руке он с достойным видом ходил по улицам города и выкрикивал патриотические лозунги. Но не те, что обычно писались в то время на плакатах и транспарантах, а собственного сочинения. Например, увидев ярко накрашенную девушку, Комиссар зычным голосом кричал: «Губы накрасила – Ленина убила!». Или: «Губы накрасила – ноги не помыла!». Для того чтобы его кричалки приобретали некую поэтическую форму, он менял ударения в словах. Так, в слове «накрасила» ударение делалось на букву «и». Выглядело это очень забавно для всех, кроме той, к кому обращены были эти слова. Девушка, краснея, торопилась скрыться подальше от излишнего внимания к своей персоне.

Проходя мимо школы, он не оставлял без внимания школьников: «Пионеры-ленинцы – молодцы!». А возле ки-

нотеатра выдавал новый шедевр: «Гражданин советский, не ходи на фильм немецкий!». И не беда, что афиша зазывала зрителя на французское кино.

Мне запомнился один случай, произошедший на моих глазах. Случилось это в 1971 году. Комиссар держал в руках развёрнутый номер «Правды» с портретами трёх погибших советских космонавтов. «Великое горе постигло советский народ! – полным трагизма голосом кричал он. – Три лучших сына отечества отдали свои жизни во имя советской науки и прогресса! Скорбите, люди!». Обычно краткий в своих речах, на этот раз Комиссар был многословен и красноречив. Когда он проходил мимо женщин, торгующих жареными семечками (десять копеек за большой стакан и пять – за маленький), одна из торговок попыталась его урезонить:

– Чего ты ходишь тут и орёшь, ненормальный? Иди к себе домой, там и ори сколько влезет.

Глаза Комиссара мгновенно налились кровью. Потрясая газетой перед лицом женщины, он гневно закричал:

– В стране горе, а эта нэпманша семечками торгует!

– А тебе, дурачок, не всё ли равно? – с вызовом выкрикнула тётка.

– Ах, ты так? А я тогда вот так!

С этим возгласом Комиссар, как по футбольному мячу, зарядил ногой по матерчатой сумке с жареным товаром. Семечки брызгами разлетелись по тротуару. Торговки, охая и крестясь, поспешили убраться с насиженного места подоб-

ру-поздорову, пока и им не перепало от разгневанного патриота, глаза которого светились торжеством, а ноги продолжали топтать вкусный товар. Даже после того как враг ретировался, Комиссар ещё долго выкрикивал проклятия и угрозы в его сторону.

О Комиссаре ходило много разных легенд. Мне захотелось узнать правду из первых рук. Однажды такой случай представился, и я, смело подойдя к Комиссару, поздоровался, как воспитанный мальчик, и спросил:

– А это правда, что вы были комиссаром?

Он тепло улыбнулся мне, слегка поклонился в ответ на приветствие и произнёс:

– Здравствуйте! Не то чтобы комиссаром, но заместителем командира партизанского отряда по политической части был.

Я увидел глаза умного и очень грустного человека. Комиссар оказался не сумасшедшим. По крайней мере, для меня.

– Так вы были партизаном? – сказал я с уважением.

– Почти три года, – просто, без пафоса ответил Комиссар.

– И награды у вас есть?

– Имеются.

– А почему вы их не носите?

– Нехорошо получится, если кавалер Ордена Ленина будет ходить по городу и кричать как сумасшедший.

– А почему вы кричите? – не отставал я от пожилого человека.

– Ранен я, – Комиссар снял шляпу и показал небольшой шрам над левым ухом. – Пуля немецкая во мне сидит с сорок четвёртого. Это она кричит.

– Разве её не вытащили? – искренне удивился я.

– Даже не пытались. Если её тронуть, то я сразу умру. Профессор в Москве посмотрел и сказал, что лучше оставить пулю в покое. Сколько проживу, столько и проживу. Такие вот дела.

– А жена у вас есть? – продолжал я своё первое в жизни интервью.

– Умерла жена.

– А с кем вы живёте?

– Один живу.

Глядя на его ухоженный вид, в это было трудно поверить. Но врать этот человек не мог.

– А дети у вас есть? – не унимался я.

– Сын есть. Он уже полковник. Лётчик. В Ленинграде живёт. Недавно приезжал. К себе зовёт.

– Вы к нему поедете?

– Нет. Ну как я буду ходить по Ленинграду и кричать? Тут меня все знают. Привыкли ко мне. И я привык. Здесь и помирать буду.

У меня больше не было вопросов. Я пожелал Комиссару здоровья и пошёл по своим делам. Об одном жалею, что не спросил, как звали этого удивительного человека.

Прошло совсем немного времени с нашего разговора, как

по городу распространилась печальная весть, что Комиссар умер в своей квартире в полном одиночестве, пролежав несколько дней, прежде чем соседи заметили его отсутствие. Вражеская пуля догнала ветерана войны через много лет.

Женя-дурачок

Женя был тихим и ни к кому сам не приставал. Зато приставали к нему. Кто с корыстной целью, кто из любопытства, а кто чисто ради прикола. Дело в том, что Женя с рождения был гением. В пятом классе он решал задачи по математике лучше любого десятиклассника. Со всех школьных олимпиад он неизменно возвращался победителем.

Преподаватели в институте прочили Евгению большое будущее. Но закончить вуз ему не было суждено. На четвёртом курсе что-то в нём сломалось. Как сказал один из сокурсников, проживавший с ним в общежитии, перегрелся Женя. На экзамене он стал выдавать такие формулы и методы решения задачи из билета, что преподаватель был вынужден вызывать специалистов из другой области.

После курса лечения в психиатрической клинике Женю в институте уже никто не ждал, и он вернулся домой, к маме. Судя по всему, и дома ему не сильно обрадовались. Ходили слухи, будто родная мать пыталась его отравить. Но оставим это на совести тех, кто такие сплетни распространял. Люди, бывавшие у него дома, рассказывали, что все стены его квартиры расписаны формулами. Так ли это, утверждать не берусь, но однажды был свидетелем случая, когда гениальность Евгения не оставила никаких сомнений.

В семидесятые годы я был учащимся горного техникума.

На третьем курсе нам предстояло выполнить курсовую работу по сопромату. Один мой товарищ, вместо того чтобы корпеть над «сопромутой», как мы называли этот предмет, выбрал более лёгкий путь.

– Пойдём к Жене-дурачку, – предложил он мне. – Женя за пять минут сделает все расчёты.

– Да ну? – усомнился я в целесообразности такой авантюры.

– Отвечаю! – заверил приятель и для убедительности добавил: – Он мне уже не раз задачи решал. Пойдём, не дрейфь, сам увидишь.

– Ты откуда его знаешь?

– Жили рядом раньше. Потом мы переехали. Но он меня помнит. Пошли!

– Ну пошли, – согласился я. Любопытство взяло верх.

Нам повезло. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Женю мы встретили на улице недалеко от нашего учебного заведения.

Мой приятель без лишних разговоров налетел на своего старого знакомого и стал объяснять ему, что нужно сделать, будто тот был его вечным должником.

– Давай хотя бы присядем, – сказал Женя, кивая в сторону детской площадки со столиками и скамейками. Пока мы шли, он пристально посмотрел на моего однокашника и неуверенно спросил: – Ты Витька?

– Витька, Витька, – подтвердил приятель, усаживаясь

на скамейку, хотя он был никакой не Витька, а Серёга. – Давай по-быстренькому сделаем расчёты и разбежимся. Я тебе за это мороженое куплю. Ты, главное, эпюры построй, а то я в этом полный ноль. Вот, смотри, это задание, это...

– Сам разберусь, – оборвал его Женя, подвигая к себе поближе тетрадь. – Ручку дай.

Сергей протянул ему шариковую авторучку и многозначительно посмотрел на меня: гляди, мол, что сейчас будет.

Я впервые видел вблизи нашего сумасшедшего гения. На вид ему было лет сорок. Невысокого роста, плохо побритый, почти лысый, в изрядно поношенной и давно не стиранной одежде он производил впечатление одинокого и несчастного человека. И, тем не менее, я не увидел в нём признаков каких-то отклонений от нормы. В моём представлении сумасшедший должен был иметь безумное выражение лица с глазами навывкате, дёргающееся тело, бессвязную речь и неконтролируемые действия. А этот был самым обыкновенным, похожим на рабочего завода, который заглянул домой на обеденный перерыв. Таких мужиков была треть города. Но когда я увидел, как Женя заработал шариковой ручкой по бумаге, то понял: человек он необыкновенный. Так быстро писать цифры и формулы, рисовать балки, эпюры, графики и при этом пользоваться только своей головой мог только гений. Не прошло и десяти минут, как Женя уже подводил итог. То, что мы могли сделать за несколько дней, он сделал за считанные минуты. Я как замороженный, затаив

дыхание, следил за руками и лицом этого человека и не понимал, почему люди считают его безумцем и дали обидное прозвище Женя-дурачок.

Вдруг Женя перестал писать, посмотрел на моего приятеля и сказал:

– Но это слишком простое решение. Можно сделать всё по-другому и гораздо точнее.

– Не надо по-другому! – испугано воскликнул Сергей, хватаясь за тетрадь.

Женя крепко прижал тетрадь к столу, не позволяя её у него отобрать, и голосом, полным убеждённости в своей правоте, произнёс:

– Ты не понимаешь. Этот метод определения прогибов при помощи эпюры изгибающих моментов давно устарел. Это по учебнику Тимошенко. Я у него учился. Он догматик, сторонник графоаналитического метода. Сергей Петрович вперёд не смотрел. Он не признавал работы Дэвида Вуда. Амбиции ему мешали. А я не только изучил Вуда – я его усовершенствовал. Вот посмотри, как надо решать эту же задачу, только по моему методу.

Он снова заработал лихорадочно ручкой по бумаге, выводя какие-то новые формулы. Сергей вовремя спохватился.

– Женя, подожди! – закричал он. – Давай я дам тебе другую тетрадь, чистую, и ты запишешь в ней все свои расчёты.

– Давай, – отрываясь от стола и выпуская из рук исписанные листы, согласился тот.

Сергей подsunул ему толстую общую тетрадь и сделал мне жест – пора тихо уходить. Когда мы отошли, оставив безумного гения в одиночестве, склонившегося над столом и с невероятной скоростью записывающего вычисления, Сергей мне тихо сказал:

– Главное – вовремя выхватить у него тетрадку, а то он такого напишет, что сам чёрт не разберёт. Минут на десять-пятнадцать его хватает. Можно не сомневаться, что всё решено правильно. А потом всё – крыша едет у этого дурачка.

– Не называй его дурачком! – крикнул сердито я. – Он больной, но не дурачок.

– Ладно, не буду, если не хочешь, – пожав плечами, согласился приятель. – В принципе Женя парень хороший, зланикому не делает. Жалко, что так с ним случилось. Теперь, пока не испишет всю тетрадь до конца, он не успокоится.

– Ты же ему мороженое обещал, – напомнил я.

– Обещал, – тяжело вздохнул Серёга. – Женя мороженое любит. Только у меня сейчас денег ни копейки.

Я пошарил по карманам в поисках мелочи, наскрёб больше двадцати копеек и весело сказал:

– На эскимо хватит. Пошли в ларёк. Будешь должен.

Манжула

Манжула – это настоящая фамилия героя рассказа. В разряд городских сумасшедших он попал после одного неординарного случая. В возрасте, когда люди уходят на заслуженный отдых, Сергею Васильевичу Манжуле захотелось поработать. И не где-нибудь, а в шахте. Желание было столь велико, что отказы директоров угольных предприятий не могли остановить упрямого старика и вынудили обратиться к самому высокому начальству. Он решительно переступил порог кабинета первого секретаря городского комитета партии и без предисловий гневно заявил:

– Иван Александрович, прошу принять срочные меры! В городе саботаж и круговая порука!

– Что случилось, Сергей Васильевич? – вежливо спросил первый секретарь.

Он давно был знаком с незванным посетителем и хорошо осведомлён о чудачествах этого беспокойного человека.

– Директора шахт сговорились и не хотят принимать меня на работу.

– Ах, вот оно что! – сделал удивлённое лицо Иван Александрович, хотя был хорошо осведомлён о причине визита Манжулы. – А позволь спросить, дорогой товарищ, сколько тебе лет?

– Неважно, – сердито буркнул старик. – Я могу ещё при-

носить пользу.

– А лет тебе уже шестьдесят. К тому же ты инвалид войны. А в шахте работают до пятидесяти и здоровые, крепкие мужики, – терпеливо пытался объяснить справедливость отказа директоров первый секретарь. – Опоздал ты немножко. Тебя не потому не хотят брать, что ты им не нравишься, а потому, что не имеют законного права. Случись что с тобой, кто отвечать будет, а? Директор в первую очередь.

– Значит так, да? – возмущённо воскликнул посетитель. – Списали Манжулу тыловые крысы?! Не выйдет! Не для того я кровь под Сталинградом проливал, чтобы меня гнали отовсюду, как паршивую собаку. Я до генсека дойду, если не дадут мне работу.

– Сергей Васильевич, все мы знаем о твоих заслугах, ценим и уважаем тебя как заслуженного человека. Но пойми меня правильно: нет такой возможности – устроить тебя на работу, и тем более в шахту. Давай лучше мы тебе хорошую путёвку выделим в санаторий. Отдохнёшь, подлечишься.

– Я ему о работе, а он мне отдыхать предлагает! – в голосе Манжулы звучали гнев и отчаяние. – Мне работа нужна, понимаешь? Помру я без работы.

– Десять лет не работал – не помер, поживёшь ещё, – начал терять терпение первый секретарь. – Ты всех нас переживёшь. А теперь, извини, я очень занят.

Разговор в итоге закончился тем, что на помощь главе го-

родской партийной организации пришли работники аппарата и общими усилиями выпроводили упрямого посетителя за пределы кабинета, а потом и за пределы здания.

Но не на того нарвались партийные чиновники. С этого дня и без того нелёгкая жизнь первого секретаря стала ещё тяжелее. Манжула каждый день, как на работу, приходил к нему на приём с неизменным требованием устроить его на шахту. Попытка секретарши преградить путь ветерану не имела успеха. Тыча бедной женщине в лицо потрёпанным партбилетом, он кричал:

– Не имеешь права! Я член партии с сорок третьего года! Мне партбилет в окопах Сталинграда вручали! Я пришёл как коммунист к коммунисту! А ты, кто ты такая? Пригрелись тут! Сталина на вас нет!

После недельной осады горкома партии Сергей Васильевич решился на отчаянный и весьма неординарный шаг для того времени – на дворе шёл 1981 год. Он объявился на главной площади города возле памятника вождю мирового пролетариата с плакатом на груди, надпись на котором гласила: «Ищу работу».

Глядя из окна своего кабинета на быстро собирающуюся вокруг возмутителя спокойствия толпу, первый секретарь сдался. Сняв трубку телефонного аппарата, он позвонил одному из директоров и несвойственным ему виноватым тоном попросил:

– Борис Иванович, выручай. Возьми на работу Манжу-

лу. Я наводил справки, у него есть «корочки» горнорабочего и машиниста подземных установок. Пусть поработает где-нибудь на моторах.

Так Сергей Васильевич Манжула оказался на нашей шахте, на добычном участке и в моём звене в качестве вагонщика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.